

**Крымское ханство и Польша-Литва.
Международная дипломатия на европейской
периферии (XV–XVIII века).
Исследование мирных договоров
с последующими аннотированными
документами. Османская империя
и ее наследие**

Дариуш Колодзейчик

Аннотация. Данная работа является переводом с английского главы 1 «Язык и сохранение документов» части 2 книги Дариуша Колодзейчика «Крымское ханство и Польша-Литва. Международная дипломатия на европейской периферии (XV–XVIII века). Исследование мирных договоров с последующими аннотированными документами. Османская империя и ее наследие» (стр. 223–265). Это название серии книг известного историка, директора Института истории Варшавского университета, профессора Института истории Польской Академии наук Дариуша Колодзейчика. Его работа “*The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. The Ottoman Empire and its Heritage*” была опубликована в 2011 году в Лейдене/Бостоне.

В первой главе «Язык и сохранение документов» части второй указанной работы профессор Д. Колодзейчик рассматривает вопросы, связанные с проблемами языка и сохранением документов в истории Крымского ханства, его взаимоотношениями с Речью Посполитой. Проводится анализ обширного корпуса исторических источников: дипломатических договоров, писем, хроник, путевых записок, карт и оригинальных документов, опубликованных в книге. Это официальные переводы, хранящиеся в королевских архивах, копии, внесенные в Королевский и Литовский реестры, и экземпляры документов, находящихся в различных коллекциях и написанных на языках, используемых как крымской канцелярией, так и литовской, и польской, – на тюркском (османском), крымскотатарском, польском, латинском, русинском, немецком и других языках. Рассматривая проблемы, связанные с переводом, транслитерацией, интерпретацией и аутентичностью этих документов, а также с их хранением, изданием и доступностью для исследователей, Д. Колодзейчик подчеркивает, что язык и сохранение документов играют важную роль в понимании истории Крымского ханства и его роли в международной дипломатии на европейской периферии.

Ключевые слова: Крымское ханство, польско-литовская дипломатия, крымско-татарская международная дипломатия, тюркский язык как язык степной дипломатии, канцелярия Золотой Орды, языковое разнообразие, источниковедение, архивы.

Для цитирования: Колодзейчик Д. Крымское ханство и Польша-Литва. Международная дипломатия на европейской периферии (XV–XVIII века). Исследование мирных договоров с последующими аннотированными документами. Османская империя и ее наследие / Пер. с англ. Сейтхалиловой Л., Алиевой А. // Крымское историческое обозрение. 2024. Т. 11, № 2. С. 168–213. DOI: 10.22378/kio.2024.2.168-213

ЧАСТЬ 2 ИССЛЕДОВАНИЕ КРЫМСКОЙ И ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

Глава первая Язык и сохранение документов

Тюркские языки, используемые крымской канцелярией

С периода основания империи Чингисидов в ее канцелярии преобладал монгольский язык, записанный уйгурским письмом. Однако на западных окраинах империи, известных как *улусы* Джучи и Чагатай по именам двух сыновей Чингисхана, в XIV веке он постепенно уступил место тюркскому канцелярскому языку¹.

Канцелярский язык, используемый в *улусе* Джучи (т. е. так называемой Золотой Орде), сегодня называется хорезмийским тюркским, поскольку он развился в Хорезме, принадлежавшем в тот период *улусу* Джучи, и произошел преимущественно от западных тюркских диалектов кыпчаков². После того как

¹ О постепенном исчезновении монгольского языка см. прим. 2 в части 1.

² См. Иштван Вашари «Договор крымского хана Менгли Герая и жителей Кырк-Ера от 1478/79 года», *Центрально-азиатский журнал* 26 (1982): 289–300, особенно с. 297. Хотя этот язык позднее повлиял на развитие литературных языков и татар, и узбеков, было бы анахронизмом считать его древнетатарским или древнеузбекским. Миркасым Усманов убедительно высказывается против названия языка, используемого в Золотой Орде, чагатайским (Хорезм, где он фактически развивался, не принадлежал *улусу* Чагатая). Усманов также решительно возражает против приписывания заслуг в развитии этого языка *Али Ширю Навои* (Алишер Навои. – *Прим. пер.*) (1441–1501), известному среднеазиатскому ученому, признанному сегодня отцом узбекской национальной поэзии. На самом деле этот язык использовался в Хорезме, на Волге и в Крыму задолго до рождения Навои; см. Усманов, *Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв.*, с. 101–106. Лингви-

монгольский язык исчез, уйгурское письмо, изначально тоже использовавшееся для записи как монгольских, так и тюркских текстов, уступило место арабскому, почитаемому исламизированными правителями Золотой Орды из династии Чингизидов как письмо Корана. В результате хорезмийский тюркский язык, записанный арабской вязью, был также принят в качестве языка канцелярии в Крымском ханстве, основатели которого претендовали на родословную Чингизидов Золотой Орды.

Значение тюркского литературного языка(ов), основывающегося на кыпчакских диалектах, не ограничивалось татарскими канцеляриями. Эдвард Кинан (Keenan) подчеркивал важность тюркского языка как языка степной дипломатии, связывающего огромные территории, простирающиеся от Каира до Пекина и от Вильнюса до Дели, и сравнивал его с «*латынью мира сего*»³. Помимо использования в качестве разговорного и литературного языка при дворе у мамлюков в Каире⁴ в XVI веке кыпчакский тюркский достиг Индии, завоеватель которой, Бабур, написал свои знаменитые мемуары на стандартном канцелярском языке своей среднеазиатской родины⁵. Тюркский язык также широко использовался московской канцелярией не только в ее отношениях с татарами, но и с монголами, и даже – с Китаем⁶. До XVIII века в русской канцеля-

стический анализ ярлыка, адресованного Тохтамышем Ягайло в 1393 году, уже был предпринят выдающимся немецким русским тюркологом Василием Радловым [Friedrich Wilhelm Radloff]; см. его «Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлуга», в: *Записки Восточного отделения Императорского Русского Археологического Общества*. Под ред. В. Розена, т. 3, выпуски 1–2 (Санкт-Петербург, 1888): 1–40, особенно с. 39. Хотя терминология, используемая автором, сегодня может считаться анахроничной (особенно использование термина «чагатайский»), его выводы убедительно указывают на сильное присутствие северных и западных тюркских диалектных элементов в литературном языке, используемом тогда канцелярией Золотой Орды.

³ Кинан. *Московия и Казань*. С. 550.

⁴ Чарльз Гальперин. Связь кыпчаков: Ильханы, Мамлюки и Айн Джалут. *Бюллетень школы восточных и африканских исследований*, 63 (2000): 229–245, с. 232.

⁵ По поводу тюркского языка XVI века, используемого в центральноазиатских канцеляриях, прилагательное «чагатайский» оправдано, и заслуга Али Ширы Навои за его усовершенствование является полностью заслуженной; см. прим. 2 выше.

⁶ Этот факт вскоре был забыт; рукописный каталог девятнадцатого века Крымского раздела (фонда), сохранившийся в российских архивах, содержал запись, относящуюся к письму на татарском языке, составленную неизвестным автором и не снабженную никаким переводом. Только в 1858 году выяснилось, что письмо было написано царем Михаилом Романовым (*okazalsja gramotoju pisannoju ro tatarski čarja Mihaila Feodoroviča*) в 7128 г. (т. е. в 1620 г. нашей эры) и адресовалось Алтын-хану. Таким образом, ошибочная запись была зачеркнута и снабжена пометкой на полях, информирующей, что письмо передано в монгольский раздел; см. РГАДА, рукописный каталог, ф. 123, указ. 2; номер записи 71 (зачеркну-

рии работало много татарских писцов из Казани и Касимова⁷, а кыпчакский тюркский язык, обычно называемый «татарским» или «мусульманским» языком (*басурманский язык*), оставался лингва франка степи, облегчая контакты Санкт-Петербурга с казахами и коренными жителями Сибири, Средней Азии и Кавказа⁸.

Как ни парадоксально, но в российской переписке с крымскими татарами от «татарского» постепенно отказывались в пользу османского турецкого⁹. В этом аспекте русская канцелярия просто следовала за крымской, в которой процесс постепенного замещения кыпчакского языка огузским продолжался с конца XV до XVIII в.¹⁰ Поразительно, но кыпчакский тюркский язык сохранялся гораздо дольше в переписке между Бахчисараем и Москвой, чем в переписке между Бахчисараем и Стамбулом. В своих письмах к султанам ханы пе-

то). О роли Алтын-ханов (букв. «золотые ханы» – титул, относящийся к нескольким, следующим друг за другом, членам одной и той же монгольской династии) в начале русско-китайских отношений, См. также: В. С. Мясников, «Империя Цин и Российское государство в 17 веке», с. 64–71; Марк Мэнкелл (Marc Mancall), Россия и Китай. Их дипломатические отношения до 1728 года (Кембридж, Массачусетс), с. 39.

⁷ Касимов (*тат.* Ханкирмэн, Касыйм) – город в России, административный центр Касимовского района Рязанской области. В XV–XVI вв., наряду с Казанью, являлся одним из крупных татарских и мусульманских центров России, столица Касимовского ханства. Название города происходит от имени хана, выходца из Казани, – Касима.

⁸ Келлнер-Хейнкеле (Kelner Heinkele), «Санкт-Петербург и степные народы», стр. 229, 235–236; См. также: М. А. Усманов, «О документах русско-восточной переписки на тюркских языках в XV–XVIII вв. и их историковедческом значении» // *Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины*. Т. 2 (Москва, 1994 г.). С. 123–138.

⁹ См. копию письма Екатерины II, отправленного в августе 1777 года новому хану Шахин-Гераю с поздравлениями по случаю его воцарения (которому фактически содействовали русские войска); письмо написано на османском турецком языке; Архив внешней политики Российской империи, ф. 123, оп. 3, № 2. К концу XVIII века даже ногайские подданные крымских ханов в своей переписке переняли османский турецкий язык; документы, изданные в 1772 г. ногайскими лидерами, которые вели переговоры о своем переходе из-под крымского сюзеренитета под российское покровительство, составлены на османском турецком, а не на кыпчакском тюркском языке; см. № 585 в части 1.

¹⁰ К концу XVIII века даже ногайские подданные крымских ханов переняли в своей переписке османский турецкий язык; документы, подписанные в 1772 году ногайскими лидерами, договаривавшимися о переходе их из-под крымского сюзеренитета под покровительство России, составлены на османском тюркском, а не кыпчакском тюркском, ср. № 585 в части 1.

ренимали османские формы и формулировки, тем самым представляя себя верными вассалами Порты¹¹.

В то время как политический прагматизм, продемонстрированный ханами в перенятых ими османских традициях вследствие их контактов со Стамбулом, очевиден, сохранение кыпчакских элементов в крымской переписке с Москвой в равной степени объяснимо. Для ханов оформление писем в древней форме ярлыков и сохранение традиционной формулировки этих ярлыков было безусловным напоминанием о преобладании их предков над московскими князьями. Что касается московской стороны, то декларируемый ею консерватизм не позволил бы принять документ, отступающий от некогда устоявшейся терминологии. Вышеприведенный тезис может быть подкреплен тем фактом, что термин «*şartname*» (шартнаме) сохранялся в крымско-московской переписке до конца XVII века, в то время как в крымско-польской он был заменен уже в конце XVI века термином «*ahdname*» (ахднаме), введенным под влиянием османской канцелярской традиции¹².

Кроме того, в качестве языка взаимной переписки Москва отдавала предпочтение кыпчакскому тюркскому, а не османскому турецкому языку, потому что переводчики первого из них были под рукой, они набирались среди царских подданных, многие из которых были крещеными волжскими татарами, пользовавшимися гораздо большим доверием, чем мусульмане. Таким образом, лингвистические особенности переписки ханов со Стамбулом и Москвой можно рассматривать как два крайних полюса: первый характеризуется сильнейшей османизацией, а второй – сохранением кыпчакских компонентов.

Тем не менее, трудно согласиться с Сагитом Фаизовым, утверждающим, что кыпчакская лексика и морфология все еще доминировали в крымском языке канцелярии вплоть до середины XVII века, хотя автор делает свои выводы, главным образом основываясь на крымской переписке с Москвой, по

¹¹ Менгли-Герай настолько далеко зашел в представлении себя как полностью «османизированного» вассала, что в письме к Мехмеду II принял «османизированную» форму своего имени: Бенгли, а не Менгли; см. Усманов, *Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв.*, с. 108; факсимиле этого письма см. в *Le khanat de Crimée*, p. 78. Правнук Менгли, Гази Герай II, известный как талантливый поэт, писал стихи как на османском турецком языке, так и на кыпчакском тюркском [крымскотатарский язык, сложившийся под влиянием чагатайского и азербайджанского литературных языков, популяризированный поэзией Навои и Физули (Fizuli)], поэтому он мог сознательно выбирать, на каком языке вести переписку с разными адресатами; о языке (языках) его поэзии см. İsmail Hikmet Ertaylan, *Gâzi Geray Han: hayâtı ve eserleri* (Istanbul, 1958), pp. 31–32 и 61 [Исмаил Хикмет Эртаylan, *Гази Герай Хан: его жизнь и произведения* (Стамбул, 1958г.), с. 31–32 и 61].

¹² См. Глава 2 ниже; конечно, ни один из терминов не имеет кыпчакского происхождения, но в отличие от *'ahdname*, термин *şartname* использовался крымской канцелярией до ее османизации.

общему признанию, наиболее «кыпчакизированной»¹³. Многие слова, записанные арабской графикой и предварительно транскрибированные Фаизовым естественным для волжского татарина образом, в Крыму в XVII в. могли произноситься иначе, особенно в его южной части, подверженной огузскому языковому влиянию, как османскому, так и местному.

По степени и темпам *османизации* крымские письма, адресованные Речи Посполитой, занимают промежуточное положение между крымской перепиской со Стамбулом и перепиской с Москвой¹⁴. И только один документ, представленный в нашем томе, *шартнаме*, адресованное Мехмед Гераем Сигизмунду в 1520 г., сохранился на хорезмийском тюркском языке. Следующие крымские документы, сохранившиеся в оригиналах арабской графикой, являются гораздо более поздними и относятся к концу XVI века. Они уже содержат смешение кыпчакских (т. е. татарских) и огузских (т.е. османско-турецких) элементов. Если судить только по сохранившемуся польскому переводу, еще более сильное присутствие османско-турецких форм, заимствованных из османской канцелярии, фиксируется в документе Мехмеда III Герая 1624 г. Длительное сосуществование кыпчакских и огузских элементов все еще находит отражение и в «ахднаме», отправленных в 1640 г. из Бахчисарая Владиславу IV ханом Бахадыр Гераем и нуредином Кырым Гераем.

Хотя эти два документа составлены одной и той же канцелярией в одно и то же время и почти идентичны по содержанию, *в языковом отношении эти два документа существенно различаются*. В ханском документе встречаются кыпчакские формы *джибермек* (*cibermek*) и *такъы* (*taqı*), в то время как их огузские альтернативы *гёндюрмек* (*göndürmek*) и *дахы* (*dahi*) вообще отсутствуют; причем кыпчакское аблятивное окончание (*-дин*) встречается в четыре раза чаще, чем огузское (*-ден*). С другой стороны, в документе нуредина кыпчакское аблятивное окончание встречается всего в два раза чаще, чем огузское, частота использования кыпчакских и огузских альтернативных глаголов *джибермек* (*cibermek*) / *гёндюрмек* (*göndürmek*) почти равна (11:9), а кыпчакская форма *такъы* (*taqı*) вообще отсутствует и заменена ее огузской альтернативой *дахы* (*dahi*). Кыпчакский оптативный суффикс *-гай*/

¹³ См. Сагит Фаизов, «Из переписки крымских ханов с русским царем и польским королем, 1654–1658 гг.» // В: *Русская и украинская дипломатия в международных отношениях против Европы середины XVII в.* (Москва, 2007): с. 438–478, особенно с. 443.

¹⁴ Усманов заключает, что переписка Бахчисарая с Московией и Польшей-Литвой сохранила больше кыпчакских черт, чем переписка со Стамбулом, но он не делает различия между первыми двумя группами; *см. то же: Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв.*, с. 108. Также Фаизов, изучавший крымскую переписку с Москвой и Варшавой в середине XVII века, не комментировал о языковых различиях, а вместо этого склонялся к общим выводам о языке, используемом в крымской канцелярии; *см. там же: «Из переписки крымских ханов с русским царем и польским королем, 1654–1658 гг.»*, с. 443.

-gei (-gay/-gey) девять раз встречается в ханском документе и только два раза в нуреддинском. В этом последнем аспекте оба документа уступают место одному, отправленному в том же году калгой Ислам Гераем и изданному не в Бахчисарае, а в *Farahkerman (Переконе)*, который содержит целых тринадцать кыпчакских оптативных суффиксов¹⁵.

Пожалуй, первым документом в нашем исследовании, где огузские формы определенно преобладают над кыпчакскими, является *ахднаме*, отправленное в Польшу в 1646 году ханом Исламом III Гераем. Примечательно, что шестью годами ранее, когда он был еще калгой, Ислам Герая издал документ, имевший ярко выраженный кыпчакский стиль (см. выше). Процесс османизации был более или менее завершен в следующем десятилетии. В *ахднаме* Мехмеда Герая IV, изданном в 1654 году, встречается чисто огузская форма *хазретлерине олсун* (*hazretlerine olsun*), тогда как *ахднаме* Ислам Герая III 1646 года все еще имеет форму *хазретлериге болсун* (*hazretlerige bolsun*).

Документ Селамет Герая II, датированный 1742 годом, стоит особняком, поскольку это уникальный документ в нашем исследовании, относящийся к XVIII веку. Документ написан на чисто османском турецком языке, хотя о славном прошлом Чингисидов до сих пор напоминает тот факт, что документ упоминается как ярлык (*varlıq*).

Язык крымских документов XVII века, сохранившихся в различных европейских архивах, уже изучался несколькими тюркологами. Мария Иванич (*Maria Ivanics*), изучавшая крымские письма, адресованные князьям Трансильвании, отметила «смешение кыпчакских и огузских языковых элементов», но пришла к выводу, что эти письма с лингвистической точки зрения скорее «похожи на османско-турецкие, а не татарские». Тем не менее, она признала, что в крымских письмах, отправленных в Трансильванию, «доля огузских элементов гораздо больше, [...] в документах, написанных русским царям, преобладают кыпчакские элементы»¹⁶. Йозеф Матуз (*Josef Matuz*), изучавший язык крымских документов, адресованных датским королям, обнаружил заметные различия между отдельными документами, даже теми, которые были изданы в один и тот же период, что напоминает ранее указанные различия между документами, отправленными в Польшу в 1640 году. Матуз выделил три лингвистические категории: от почти сугубо османско-турецких писем (8), до тех, в которых «несколько больше» (*etwas mehr*) кыпчакских элементов (12), и, наконец, наиболее «кыпчакизированные» (3), хотя и признавал, что даже язык последних нельзя характеризовать как чисто

¹⁵ См. документы 55–57.

¹⁶ Мария [Мария] Иванич, «Формальные и лингвистические особенности крымскотатарских писем XVII века, адресованные князьям Трансильвании», АО ASH 29 (1975): 213–224, особ. с. 221 и 224.

кыпчакский или крымскотатарский¹⁷. Любопытно, что письмо, отправленное в 1661 году Мехмедом Гераем IV, описывается Матузом как *eher tatarisch* («*скорее татарское*») и включено в категорию наиболее «кыпчакизированных»¹⁸, тогда как в нашем исследовании документ того же хана, составленный в 1654 году, является наиболее «османизированным» (не считая гораздо более позднего документа 1742 г.). Помимо указания на уже упомянутые различия между отдельными документами, изданными в один и тот же период, этот кажущийся парадокс можно объяснить фактом, что имеющийся в нашей коллекции документ Мехмеда Герая IV является одним из самых поздних (второй из последних, сохранившихся арабской графикой), крымские же письма, сохранившиеся в датских архивах, датируются не позднее чем 1658 годом. Таким образом, документы Мехмед Герая IV в целом более «османские», чем его предшественников, но более «кыпчакизированные», чем документы последующих ханов. Язык крымской канцелярии изучала также Эльжбета Свенцицкая, проанализировавшая четыре сохранившихся в Стокгольме письма XVII века, отправленных женщинами династии Гераев.

В отличие от Иванич и Матуза, используя иной метод, она пришла к выводу, что соотношение между османским арабским/персидским и тюркскими словами в исследованных письмах составляло 135:40 и назывался их язык «татарско-османским»¹⁹.

Обратив внимание на постепенную османизацию языка *крымских документов*, адресованных польским королям, параллельно с сохранением кыпчакских элементов как минимум до середины XVII века, мы должны повременить с более глубокими выводами для проведения тщательного анализа, который включал бы все крымские письма, адресованные польско-литовским адресатам, а не только те немногие, которые можно классифицировать как формальные документы мира. Эта задача выходит за рамки настоящего исследования и ждет своего будущего исследователя.

Другие языки, используемые крымской канцелярией

Помимо хорезмийского тюркского языка, затем смешения татарского и османского языков, турецкого и, наконец, чисто османского турецкого, а также выполнения записей арабской графикой, крымская канцелярия использовала еще и другие языки.

¹⁷ Матуз, Крымскотатарские документы в Национальном архиве Копенгагена, с. 83–85.

¹⁸ Там же, с. 119; текст письма см. там же, с. 139–141 и таблицы IV–V (факсимиле).

¹⁹ Эльжбета Свенцицкая, «Дипломатические письма крымских дам из дома Гераев в Шведский королевский дом», *Восточный ежегодник* 55 (2002), №. 1, с. 57–90, особенно с. 60.

В 1894 году русский историк Михаил Бережков опубликовал статью, выдержанную в характерном для того времени имперском тоне. Автор утверждал, что крымские документы, касающиеся мира с Россией, на самом деле были составлены московской канцелярией на русском языке, а затем отправлены в Крым только для того, чтобы хан их заверил. По словам Бережкова: «ханской канцелярии надлежало только перевести русский проект на татарский язык, добавить заглавные титулы, да заключительные формулы и скрепить [составленные таким образом] документы печатью»²⁰.

Как бы утешая себя за незнание восточных языков, автор оптимистично заключил: «таким образом, русские тексты (рус. *gramoty*) по своему содержанию и значению не уступают татарским оригиналам; они даже превосходят их [sic-DK], потому что крымские *şartnames* (шартнаме) (рус. *шерти*) были просто переводами русских подлинников»²¹.

Пренебрежительное отношение Бережкова к татарской канцелярии впоследствии было справедливо высмеяно ведущим российским востоковедом Александром Самойловичем²². Возможно, в ответ на столь уничижительные взгляды на татарскую культуру, как и у Бережкова, в настоящее время мы встречаем противоположные взгляды, особенно среди татарских ученых, умаляющих или вовсе игнорирующих роль русского языка – и, по аналогии, любого нетатарского языка – в прошлом иностранной дипломатической переписки Бахчисараея. Сагит Фаизов утверждает, что документы о мире (шарт-/ *şart*- и ахднаме/ *'ahdnames*), имевшие хождение между Бахчисараем и Москвой, были составлены исключительно на татарском языке и выпускались ханской канцелярией в одностороннем порядке, по аналогии с *ярлыками*, некогда выдававшимися ханами Золотой Орды²³.

Утверждая, что ни один мирный договор XVII в. между Бахчисараем и Москвой не был составлен на русском языке, тот же автор заключает: «можно

²⁰ ...ханской канцелярии оставалось только перевести по-татарски этот русский список, прибавляя заглавные титулы да заключительные формулы и скрепить документы печатью; смотрите Бережков, *Крымские Шертные Грамоты* (Киев, 1894), с. 3. (...*hanskoj kancelarii ostavalos' tol'ko perevesti po-tatarski etot russkij spisok, pribavja zaglavnye tytuly da zaključitel'nyja formuly i skrepja dokumenty pečat'ju*; see Berežkov, *Krymskie šertnye gramoty* (Kiev, 1894), p. 3).

²¹ Таким образом русские грамоты по содержанию и по значению не уступают татарским подлинникам; они даже преимуществуют перед ними, ибо крымская шерти были простым переводом с русских образцовых записей; см. там же.

²² См. Александр Самойлович, «О «пайза» – «байса» в Джучиевом улусе (К вопросу о басме хана Ахмата)», *Известия Академии наук СССР* 20 (1926): с. 1107–1120, особенно с. 1108.

²³ Русско-крымские шерт-наме и гахед-наме существовали лишь как татароязычные документы, исходившие из канцелярии хана, подобно ярлыкам-пожалованиям золотоордынских ханов; Фаизов, «Из переписки крымских ханов с русским царем и польским королем, 1654–1658 гг.», с. 442.

предположить – за неимением источников [sic-DK] – что и крымско-польские договоры XVII века составлялись исключительно на крымскотатарском языке»²⁴. В значительной степени взвешенная точка зрения в отношении более раннего периода (XV–XVI вв.) предлагается Усмановым, который, тем не менее, настаивает, что почти все письма, отправленные Гераями в Москву, были составлены на татарском языке и переведены на русский язык только в московской канцелярии, а русские ответы были составлены на двух языках: русском оригинале и его татарской копии²⁵.

Современный исследователь сталкивается с тем фактом, что все самые ранние крымские документы о мире (*instruments of peace*), адресованные московским правителям в XV и XVI веках, сохранились только в копиях на русском языке.

Некоторые из этих копий упоминаются как переводы (по рус. *перевод*), поэтому мы можем с уверенностью предположить, что их оригиналы были выполнены арабской графикой и написаны на хорезмийском тюркском или татарском языке. Иногда мы находим дополнительные ссылки на ныне утраченные оригиналы. Например, в описи московских архивов конца XVI века мы читаем, что *шартнаме* Менгли Герая (по-русски *шертная грамота*), привезенная в 1508 году Константином Заболоцким и сохранившаяся сегодня только в русской копии, была написана «мусульманским шрифтом» (*бесерменским письмом*)²⁶. Некоторые из наиболее ранних крымских документов к 1626 году были все еще в сохранности, пережив великий московский пожар; в официальной описи, составленной после катастрофы, перечислены «шесть старинных крымских *шартнаме*, [полученных] во время правления Василия Ивановича [годы правления 1505–1533 гг.], великого князя всея Руси, присланные в разные годы, и одна из них адресована Ивану Васильевичу [годы правления 1533–1584 гг.], царю и великому князю всея Руси, написанные на листах бумаги татарской вязью, очень поврежденные и рваные, два [из них] с отсутствующими верхней и нижней частями»²⁷. Уже упоминавшийся факт, что московская канцелярия также издавала документы на тюркском языке, написанные

²⁴ Русскоязычные договоры XVII в. между Россией и Крымским юртом неизвестны. Можно предполагать – вследствие недостатка источников – что и крымско-польские договоры XVII в. исполнялись на крымскотатарском языке; см. там же.

²⁵ Усманов, *Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв.*, с. 109.

²⁶ *Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года. Под редакцией С. Шмидта* (Москва, 1960), с. 28.

²⁷ *Шесть грамот крымских шертных, старых, при великом князе Василье Ивановиче всея Руси, присланы в разные годы, и одна из них к царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси, писаны на бумаге на листике, татарским письмом, ветхи гораздо и подраны, у дву[x] верхов и споду нет; см. Опись архива Посольского приказа 1626 г. Под редакцией В. Галькова и С. Шмидта* (Москва, 1977), часть 1, с. 79.

арабской графикой, подтверждается реестром, изданным в 1800 году Алексеем Малиновским, сотрудником и будущим директором архива МИД России. Запись в реестре относится к торжественному письму, отправленному Иваном III Менгли Гераю в 1481 году, в котором было «написано на татарском языке и заверено золотой печатью» (*писанная на татарском языке с приложением золотой печати / pisannaja na tatarskom jazyke s priloženiem zolotoj pečati*). Два других письма, составленные в том же году от имени Ивана III, также были написаны на татарском языке²⁸.

Утверждая о широком использовании тюркского языка и арабской графики в крымско-московской взаимной переписке, мы все еще можем задаться вопросом о роли русского языка и кириллицы. Несомненно, в Москве основным языком функционирования был русский.

Даже если некоторые документы, адресованные ханам и крымским сановникам, были составлены на татарском языке, московским посланникам одновременно предоставлялись их копии на русском языке. Кроме того, и входящая, и исходящая корреспонденция велись в реестрах московской канцелярии на русском языке²⁹. В Крыму ситуация была, по-видимому, аналогичной, с тюркским языком в качестве основного, но также – из практических соображений – допускалось использование других языков и письменностей для дипломатической переписки.

Изучив русские переводы татарских писем, отправленных в Москву, Эдвард Кинан определил тюркский синтаксис и лексику, которые часто проявляются в русском тексте³⁰. Его выводы могут быть полностью подтверждены автором настоящей статьи, обнаружившим многочисленные аналогии в русинском переводе татарских писем, отправленных в Вильнюс³¹. Тем не менее, наличие тюркских калек и заимствованных выражений в существующем в настоящее время тексте на восточнославянском языке не обязательно должно означать, что этот текст является переводом ныне утраченного тюркского оригинала. Можно предположить, что тюркские языковые элементы вставил но-

²⁸ См. «Реестр *шертным грамотам* крымских ханов, записям послов их и другим постановлениям», с крымскими татарами бывшими, соч. 1800 г. канц. сов. А. Малиновским», опубликовано в «Памятниках дипломатических сношений». Под редакцией Ф. Лашкова, с. 1–22, особенно с. 2.

²⁹ См. Хорошкевич, *Русь и Крым*, с. 207 и 276.

³⁰ Кинан, «Московия и Казань», с. 550.

³¹ Например, выражение *в головах*, часто встречающееся в русинских переводах ханских писем, не имеет особого смысла для славяноязычного носителя языка, но абсолютно понятно в тюркском контексте, поскольку оно эквивалентно термину *башильг* (*başlığ*) («начинать с»); самым известным заимствованным выражением, конечно же, является термин *слово мое* («мое слово»), которое отражает тюркскую формулу *sözüm*, встречающуюся в заголовках татарских документов; дополнительные примеры см. в документе 20, текст которого, к счастью, сохранился в обоих вариантах: хорезмийском-тюркском и русинском.

ситель татарского языка или ассимилированный славянин на ханской службе, которому поручено было составить документ на русском или русинском языке. Тюркские выражения также вошли в язык московской канцелярии, стоит упомянуть такие важные термины как *ярлык* и *шерть*. Известно даже, что Иван III и Василий III применяли формулу *слово мое* (букв. «[это] мое слово», заимствованное слово от тюркского *sözüm*) – первоначально предназначавшаяся только для чингисидов – в их переписке с татарскими *мурзами* и беями, что было вызвано желанием поднять престиж московского правителя в глазах адресатов³².

Фактически существуют три варианта объяснения присутствия тюркских языковых элементов в дошедших до нас текстах на русском или русинском языках:

1) дошедшие до нас тексты, возможно, были переведены с ныне утраченных тюркских оригиналов переводчиками канцелярий-получателей – славянами или татарами на московской или литовской службах;

2) тексты могли быть подготовлены уже в Крыму переводчиками крымской канцелярии (татары, крымские христиане или московские и литовские «ренегаты» на ханской службе) и отправлены вместе с оригиналами документов на тюркском языке для облегчения получателю правильного понимания послания хана (многие татары на литовской и московской службах говорили на разговорном языке, но немногие из них умели читать арабскую графику);

3) дошедшие до нас тексты могут быть копиями оригинальных документов, изначально составленных крымской канцелярией на славянском языке и кириллице и скрепленных ханской печатью. Хотя приведенные выше мнения Усманова и Фаизова тяготеют в сторону первого варианта, несколько записей в московских канцелярских книгах, идентифицированных Ильей Зайцевым и автором настоящей статьи, доказывают, что, по крайней мере, некоторые крымские письма, адресованные Москве, первоначально были составлены на русском или русинском языке. Например, в 1492 году Менгли Герай обратился к Ивану III «*русским письмом*» (*in the Russian script*), а в 1502 году письмо хана, отправленное в Москву, снова упоминалось как написанное на кириллице (*a se careva gramota ruskim pismom – a se царева грамота русским письмом*). В 1528 году Саадет Герай в своем письме Василию III подчеркнул, что написал свое письмо на русском (*a se careva gramota – a цю эсми грамоту [...] по-русски написал*), и два года спустя тот же хан еще раз уведомил адресата: «Я отдал [свои] письма, написав их на твоём языке» (*по вашему языку написал грамоту [...] дал эсми*)³³.

³² Хорошкевич, *Русь и Крым*, с. 188 и 276.

³³ Цитаты 1492, 1528 и 1530 см.: Зайцев, *Крымская историографическая традиция XV–XIX веков. Пути развития. Рукописи, тексты и источники* (Москва, 2009 г.), с. 19–20; любопытно, что тот же автор, кажется, недооценивает использование русского языка в ханской канцелярии и считает русский язык менее важ-

Стоит задаться вопросом, какой восточнославянский диалект преобладал в ханской канцелярии. Анна Хорошкевич приводит пример письма Менгли Герая, текст которого зафиксирован в Московской канцелярской книге, он содержит «старобелорусские» (т. е. русинские) языковые элементы.

Хотя допускаю возможность, что запись могла быть составлена недавним иммигрантом из Литвы, работавшим в московской канцелярии. Хорошкевич тем не менее предполагает, что текст был скорее составлен в Крыму уже на русинском языке³⁴.

Использование в крымской канцелярии восточнославянских языков наряду с тюркским однозначно подтверждается перепиской между Кырк Ером и Вильнюсом. Ведь, прежде чем взойти на крымский престол, Хаджи Герай долгое время жил в Литве и считался среди современников литовским жителем. Старейшим крымским документом в оригинале, сохранившимся в Польше, является письмо, отправленное сыном Хаджи, Менгли Гераем, Юрию Радзивиллу, воеводе киевскому, в марте 1512 года³⁵. Запечатанное ханским *нишаном* (*nişan*), составленное на русинском языке, оно начинается словами: *Великое Орды от великого царя Менгли Герая Царя слово (Великое wrды ѿ великого црѣа менли герена црѣа слово)*. Конечно, это был не единственный документ на русинском языке, изданный Менгли Гераем, хотя, возможно, это единственный сохранившийся в настоящее время экземпляр. В 1514 году в письме Менгли Гераю Сигизмунд признал получение двух писем одинакового содержания, написанных на русинском и татарском (*листы свои в одно слово по руски и по татарски к нам прислал еси*)³⁶. К сожалению, ни одно из этих писем не сохранилось в настоящее время в оригинале, хотя письма Менгли с 1514 года мы находим в многочисленных русинских копиях.

В 1562 году, когда внук Менгли, Девлет Герай, призвал Сигизмунда Августа присоединиться к его походу на Московию, ханское письмо, написанное в военном городке на реке Самара, было вновь написано на русинском. Поскольку в этот период ханы, очевидно, не брали с собой важных печатей (*nişans*), письмо было заверено лишь печатью Девлета. Помимо запечатанного оригинала, сохранившегося сегодня в польских архивах, копия ханского пись-

ным, чем латынь. Цитату 1502. см. в «Памятниках дипломатических сношений», т. 1, с. 377; правда, аналогичная запись на с. 390, со ссылкой на письмо османского принца, проживающего в Каффе, предполагает, что перевод был сделан уже в Москве сотрудником крымского посольства, которого называют *бахши* (*bahşi*) (*а се грамота руским письмом; а имени салтанова бакшей в ней не перевел*); о термине *бахши*, ср. Документ 35, № 21.

³⁴ Хорошкевич, Русь и Крым, с. 19; Письмо Менгли зафиксировано среди бумаг татарского посольства за 1509 год.

³⁵ См. № 123 в части 1.

³⁶ Пуласки, *Отношения Польши с Татарским краем*, с. 445.

ма была внесена в книги Реестра (регистровые книги) Литвы³⁷. Если бы оригинал не сохранился, вероятно, некоторые ученые в настоящее время утверждали бы, что копия, хранящаяся в Литовском реестре, видимо, являлась переводом утраченного тюркского оригинала!

Есть и дополнительные сведения, указывающие на наличие более чем одного языка выбора в выдаче ханского документа. В его *шартнаме* (*присяжный лист*), отправленном Казимиру в 1480 году и сохранившемся в настоящее время в русинской копии, Менгли Герай ссылается на свою клятву, «произнесенную на [своем] родном языке» (*rekusy swoim yazykom*) в присутствии королевского посланника, как будто клятву можно было произнести и на другом языке³⁸. Иногда именно христианская сторона настаивала на написании документа на родном языке хана арабской графикой. В 1514 году Сигизмунд запросил у Менгли Герая документ мира, «написанный мусульманскими словами» (*pysany musulmansky my slovy*), видимо, в надежде на то, что хан не нарушит обещания, написанного на арабском языке – священном письме Корана³⁹.

Помимо русинского, крымская канцелярия использовала языки и других «*неверных*». Использование греческого языка подтверждается письмом Менгли Герая, адресованным в 1481 году посланникам Генуи, сохранившимся в оригинале с печатью хана *нишан*⁴⁰. Что касается западных языков, документ

³⁷ См. № 292 в части 1; для аналогичной ситуации, когда хан подтвердил свой документ кольцом с печаткой, так как во время предвыборной кампании в Венгрии у него не было *нишана*, см. № 270 ниже.

³⁸ См. документ 6.

³⁹ См. № 148 в части 1; четыре года ранее Сигизмунд связался с главным муллой при ханском дворе с просьбой о посредничестве и обращался к религиозным авторитетам среди членов династии Герай; см. №. 116 в части 1.

⁴⁰ Ободренная смертью Мехмеда II в 1481 году, Генуя возобновила дипломатическую деятельность в Причерноморье и пыталась заручиться поддержкой местных правителей, в том числе Менгли Герая, за восстановление сюзеренитета в Каффе. В сентябре 1481 года два генуэзских посла – Бартоломео да Кампофрегозо и Лодисо Фиеско (Bartolomeo da Campofregoso and Ladicio Fiesco) прибыли в Киев (форма *Манкреман* – *Mancreman*), встречающаяся в генуэзских источниках, происходит от турецкого названия Киева: Манкерман) и с согласия короля Казимира начали переписку с Менгли Гераем, пригласившим их явиться инкогнито к его двору и обсудить секретный проект антиосманского союза. Генуэзско-крымские переговоры продолжались еще два года, но не принесли никакого результата; см. Джакомо Грассо, *Документы об учреждении союза против турок в 1481 г.* [extratto dal Giornale ligustica – отрывок из газеты (журнала) *Лигустика*] (Генуя, 1880), с. 21–22, 89–96 и 162–174; ср. Шербан Папакостя (Şerban Papacosteia),

«Каффа и Молдавия перед лицом османской экспансии (1453–1484 гг.)» в *Коллоквиуме, Румынско-итальянский «Генуэзцы на Черном море в XIII–XIV веках»*. Бухарест, 27–28. Март 1975 г. Под редакцией Ш. Паску (Ş. Pascu) (Бухарест,

Нур Девлета, адресованный в 1467 году Казимиру, сохранившийся в латинской копии XV века, содержит поразительно точные *данные*, со ссылкой на мусульманский календарь (*в мусульманский восемьсот семьдесят второй месяц Зафер*).

Более того, два письма Менгли Герая, адресованные в 1472 году королям Польши и Богемии, сохранились также в латинских копиях, записанных в польских книгах Королевского реестра⁴¹. И, наконец, рукопись начала XVI века, хранящаяся в настоящее время в Загребе, содержит латинскую копию письма, адресованного Менгли Гераем королю Польши Иоанну Альберту. Оно написано в Кырк Ере и датировано 10 февраля 1500 года (*Ex Cherche millesimo quingentesimo die decimal Februarii*) (*От Шершера десятого февраля тысяча пятьсот*) и даже содержит стандартную формулу *sözüm* (*Menlicherei verbum teum*)⁴². Поскольку ни одно из названных писем не сохранилось в оригинале, мы не можем быть полностью уверенными, что они изначально были выполнены на латыни, но, по крайней мере, использование итальянского языка, именно его северного диалекта, на котором говорят в генуэзской Каффе, в крымской канцелярии было бесспорно доказано. После османского завоевания Каффы и других черноморских колоний на ханскую службу поступило множество итальянцев, назовем только Виченцо де Гвидульфиса (Visenzo de Guidulphis), сына генуэзского правителя Матреги (Тамань), и Августино де Гарибальди, генуэзца из Каффы, братья которого жили в Испании. Эти персонажи, истинные представители генуэзской диаспоры, затем рассеялись между Каспием и испанским Новым Светом⁴³. Самый ранний документ, опубликованный в настоящем томе и сохранившийся в оригинале, это документ Менгли Герая 1514 года, заверенный ханским золотым *nişan* и написанный на итальян-

1977): с. 131–153, особенно с. 152–153. Греческий текст приглашения Менгли, адресованный генуэзским посланникам и датированный 30 декабря [1481 г.], опубликован в книге Франца Миклошича и Йозефа Мюллера (Franz Miklosich and Joseph Müller) (ред.), *Законы и дипломы греческого языка средневековья священного и светского, том 3: Законы и дипломы по греческим делам. Греческие и итальянские иллюстрации* (Вена, 1865), с. 292–293, и снова вместе латинская версия, в Грассо, *Документы*, с. 168–169; факсимиле оригинала документа на греческом языке, хранящееся в Государственном архиве Генуи, см. *Книга путешествий Эвлии Челеби*. Под редакцией З. Абрахамовича (Варшава, 1969), с. 325.

⁴¹ Документ 1467 г. см. в документе 2. О двух письмах 1472 г. см. AGAD, Метрика Коронна, Книга Надписей, №. 12, л. 79а–79б; они опубликованы в Пуласки, *Стосунки Польски из Татарщины*, с. 199; о крымском посольстве с 1472 г., ср. № 53 в части 1.

⁴² Опубликовано в книге Йозефа Гарбачика (Jozef Garbacik) (ред.), *Материалы для дипломатии польской лат. 1486–1516 (Kodeks zagrzebski)* (Вроцлав-Варшава-Краков, 1966), с. 89–91.

⁴³ О Виченцо де Гвидульфисе и Августино де Гарибальди см. документ 16, примечания 10 и 18.

ском языке. Он был отправлен королю Сигизмунду в ответ на его документ на латыни, изданный от имени Польской Короны. Задача составить ханский документ была поручена Августино де Гарибальди. Крымская канцелярия не видела особой разницы между итальянским и латынью и в своей переписке на русинском языке называла оба языка «Frankish» (*frjazskyi*) («франкскими»). Вероятно, было легче найти служащего, свободно говорящего по-итальянски, чем на латыни, поскольку знание и уровень владения латынью среди членов итальянской диаспоры сокращались⁴⁴.

Хотя итальянцы оставались на дипломатической службе ханства и в XVII веке, нет никаких свидетельств того, что крымская канцелярия использовала итальянский язык после смерти Менгли Герая.

В результате аккультурации итальянцы сами постепенно забыли свой разговорный язык, тем не менее, они часто сохраняли генуэзские фамилии наряду с татарскими или татаризированные имена и титулы⁴⁵.

Хотя многие ученые описывали и часто осуждали османизацию крымской канцелярии, параллельно с этим незаметно протекал еще один примечательный процесс. Мы бы назвали это... при *сохранении пропорции* – полонизация крымской канцелярии XVII века. В конце XVII века польский язык широко применялся в повседневной жизни, использовался литовской и русинской знатью и заменил русинский как официальный язык Великого княжества Литовского. Это также получило широкое распространение среди высших слоев украинского казачества, армянских купцов, живущих в Речи Посполитой, и даже молдавских бояр. Конечно, использование польского языка как средства общения не означало лояльности по отношению к польскому королю и его учреждениям; приведу лишь один пример: когда в 1653 году Богдан Хмельницкий, предводитель казацкого восстания против польского владычества, направил письмо великому визирю Османской империи, то письмо было составлено на польском и заверено подписью Хмельницкого на польском языке⁴⁶.

Многие татары, захваченные после неудачных набегов, пережили плен в Польше. В то время как простой люд обычно оставлялся в качестве рабов и со временем ассимилировался, интегрируясь в местное общество, дворяне надеялись быть выкупленными или получить шанс освободиться во время ближай-

⁴⁴ Похожий процесс можно наблюдать в османской канцелярии: тогда как в XV веке письма, отправленные из Стамбула в Краков, были написаны на османском турецком или латыни, в XVI веке итальянский заменил латынь как второй язык.

⁴⁵ О генуэзцах на ханской службе, ср. документ 45, № 8.

⁴⁶ Оригинал письма, сохранившийся в Архивах Топкапы, см. Нигяр Анафарта, *Об отношениях между Османской империей и Польшей / Исторические документы, касающиеся отношений между Османской империей и Лехистаном (Польша)* [(Стамбул, 1979) г.], вып. 19 (с. 17 и 15–16 турецкой и английской версий соответственно; см. также рисунок 5 для факсимиле).

шого перемирия, хотя иногда приходилось ждать довольно долго. В 1629–1634 годы такая судьба выпала на долю будущего хана Ислама Герая III, заключенного в тюрьму в Раве, где он имел возможность свободно встречаться с польскими сановниками и изучать польский язык. В 1649–1653 годах татары под предводительством Ислама Герая III оказывали помощь казацкому восстанию и принимали участие в многочисленных боях с польскими войсками, а в 1654–1666 годы татары и поляки бок о бок сражались против русских и шведов. Либо на войне, либо в союзе было множество возможностей изучить обычаи друг друга, а иногда даже язык.

Кроме того, крымское общество было далеко не однородным и существовало множество польских «ренегатов» как простого, так и дворянского происхождения, сделавших карьеру при ханском дворе. Некоторые из них были похищены, особенно в молодом возрасте, что способствовало их аккультурации. Другие могли прийти к этому по своей воле⁴⁷. В 1660-х годах заметную роль в ханской канцелярии играл некий Ислам Бей, наряду с новой польской дворянской фамилией сохранявший мусульманскую идентичность, подписывал свои письма польским высокопоставленным лицам как Ислам-бей Цегельский (Islam Bey Cegielski)⁴⁸.

Видный татарский дипломат и посредник этого же периода Дедеш-ага, говоривший по-польски, возглавлял многочисленные посольства в Польше и даже позировал королевскому придворному живописцу Даниэлю Шульцу, выполнившему его портрет в польском наряде (мусульманин с непокрытой головой!), изобразившему его с сыновьями и слугами в модной обстановке того периода, состоящей из охотничьей собаки, ястреба и обезьяны⁴⁹.

Учитывая вышеизложенное, нам не следует удивляться, что многочисленные письма, отправленные крымскими ханами и сановниками и сохранившие-

⁴⁷ По разным причинам, это мотивировало так называемых ренегатов, продолжавших прибывать из христианской Европы в исламские страны; ср. Бартоломе и Люсиль Беннассар, *Ле Кретъен д'Аллах. Экстраординарная история ренегатов XVI–XVII веков* (Париж, 1989).

⁴⁸ См. его письмо канцлеру Николаю Празмовскому (Mikolaj Prazmowski) от 15 мая 1663 г. в АГАД, Дз. тат., к. 61, т. 1. 57, № 199.

⁴⁹ Картина маслом Даниэля Шульца, одного из лучших живописцев польского барокко (родился в немецкой семье в Данциге), выполнена в 1664 году и хранится в музее Эрмитажа в Санкт-Петербурге. Она была написана во время пребывания посланника в Варшаве; портрет, очевидно, был подарком короля Дедешу и увезен им в Крым. Вероятно, картина была захвачена русской армией во время вторжения Миниха в ханство в 1736 году. О полной риска истории картины и идентификации изображенной фигуры см. Гдзье, *Там, где Восток встречается с Западом. Портрет пожилого человека. Речь Посполитая 1576–1763 гг. Каталог выставки под руководством Ежи Малиновского* (Варшава, 1993), с. 353–354 (примечание Яцека Гаевского), и Божена Штайнборн, *Маларз Дэниел Шульц. Гражданин Гданьска на службе у польских королей* (Варшава, 2004), с. 136–139.

ся в польских архивах, были составлены на польском языке. Два документа в настоящем томе, сохранные в подлинниках и изданные *калгой* (вместе с девятью другими сановниками) и ханом в 1667, 1672 годы соответственно, составлены на польском языке и подтверждены печатями, выраврованными арабской вязью⁵⁰. Более того, в XVII в. польский язык стал служить средством крымской переписки с другими европейскими дворами, а именно Стокгольмом и Копенгагеном.

В 1661 году Мехмед Герай IV предоставил своему посольству в Стокгольме письмо на татарском языке, сопровождаемое польским переводом (возможно, выполненным вышеупомянутым Ислам-беем Цегельским), и пояснительную записку, тоже на польском: «теперь, написав наше письмо по-татарски, мы посылаем его Вам; однако, если с вами нет никого, кто мог бы его прочитать, мы посылаем вам его польский перевод [тоже]»⁵¹.

Крымские письма, отправленные в Копенгаген, тоже часто сопровождались польскими переводами, на основе которых датская королевская канцелярия, не имевшая переводчиков с восточных языков, могла подготовить переводы на немецкий язык⁵². Кроме того, Йозеф Матуз, изучавший крымские документы, сохранившиеся в датских архивах, обнаружил ряд польских переводов, как утверждает автор, с турецких оригиналов, которые «пока не удалось идентифицировать» (*bisher unauauffindba – до сих пор не отслеживается*)⁵³. Матуз провел свое оригинальное исследование, объяснявшее, что для крымского хана или сановника было немислимо выдать документ на другом языке, кроме как на турецком⁵⁴. Возможно, его собственное убеждение помешало ему заметить, что турецких оригиналов никогда не существовало, потому что

⁵⁰ См. документы 66 и 70; об использовании польского языка в Крыму XVII в., переписку, см. также Барановский, *Познание Востока в древней Польше до 18 века* (Лодзь, 1950), с. 128.

⁵¹ *Teraz list nasz po tatarsku napisawszy Wam posylamy; luboby tez u Was takich ludzi nie bylo przeczytania onego, na polski przetlomaczywszy Wam posylamy* (Теперь мы посылаем вам наше письмо по-татарски; а если таких не нашлось, чтобы его прочитать, мы высылаем вам польский перевод); см. Карл Зеттерстен (Karl Zetterstéen), *Турецкие, татарские и персидские документы в Шведском императорском архиве* (Uppsala, 1945), с. VI и 98, № 1; ср. также Эльжбета Свенцицкая (Swiecicka), «Дипломатические письма крымских дам из рода Гераев шведскому королевскому дому», с. 64, № 11.

⁵² Матуз, *Крымскотатарские документы в Рейхархиве в Копенгагене*, с. 122.

⁵³ См. там же, с. 279–280.

⁵⁴ *Прежде чем мы перейдем к вопросу о языке крымскотатарских документов в Копенгагене, следует отметить, что крымские ханы и другие высокие крымскотатарские сановники в своей переписке с Данией использовали только турецкий язык. Письма крымскотатарских ханов не удалось найти ни на одном другом языке ислама (арабском или персидском), ни на одном европейском языке; см. там же, с. 82.*

польские «переводы» и *были* настоящими оригиналами. Посещение Датского государственного архива в марте 2009 года позволило автору настоящей статьи установить, что большинство предполагаемых «переводов» подтверждены подлинными печатями крымских сановников (например, крымского визиря Сефера Гази-аги) с выгравированными на них словами арабской вязью. Письма были сложены и запечатаны воском (следы складок и воск все еще видны) согласно европейским, а не восточным традициям. После складывания торжественные обращения на их обратной стороне были написаны на латыни, например: *Serenissimo et Potentissimo Domino Friderico ex gratia Dei Daniae Regi etc.etc. Amico Nostro honorato. (Светлейшему и могущественному господину Фредерико милостью Божьей королю Дании и т.д. и т.д. и т.д. Нашему уважаемому другу)*. Если быть кратким, то это, несомненно, оригиналы, а не переводы или копии⁵⁵.

В своей переписке с Габсбургами Гераям не было необходимости использовать польский язык, так как переводчиков с турецкого в Вене было много. Тем не менее, к татарским посольствам, следующим в Германию и Австрию через Польшу, обычно присоединялись *commissioners*, выступавшие в роли проводников, переводчиков и даже посредников, точно так же, как и в случае контактов Бахчисарая со скандинавскими королевствами⁵⁶.

В целом, использование такого большого разнообразия графического письма (арабского, кириллицы, греческого, латиницы) и языков (хорезмийско-тюркский, крымскотатарский, османский турецкий, русинский, греческий, итальянский, польский, возможно, московский русский, а также латынь) демонстрирует политический прагматизм крымского двора и свободное владение крымской канцелярией различными языками и письмом⁵⁷.

⁵⁵ Копенгаген, Национальный архив, Канцелярия Германии, Департамент иностранных дел, Тартария AI 1/2/41–47 (46 отсутствует). Примечательно, что в этот же период крымские письма, написанные на турецком языке и адресованные датскому королю, были вложены в атласные мешочки с адресами, написанными на прикрепленных бумажных листах, известных как «кулак» (букв. «ухо»), так что в крымской канцелярии сосуществовали восточные и европейские традиции.

⁵⁶ Для примера, информацию о поездках крымских посольств через Польшу в Стокгольм, Копенгаген и Вену, сохранившуюся в польском архиве и библиотеке см. Аугусевич (Augustiewicz), «Два сообщения от Мариуша Станислава Яскульско-го в Крым в 1654 г.», с. 60, № 83; Библия Корн., мс. 991, л. 498б и 505а.

⁵⁷ В письме, отправленном в 1686 году из Бахчисарая правителю Трансильвании Михаю Апафи, хан Селим-Герай с гордостью заявлял, что при его дворе было много людей, свободно владеющих различными языками и письмом, хотя и признавал, что в данном случае никто не смог перевести письмо Апафи, которое, вероятно, было написано на венгерском: *egerçe bu tarafda her dili bilür ve her yazuyi oqur adamlar var idi lakin sizden gelen kağidi oquyup içinde olan ahvali tercümeye qadir olamadılar»* («хотя у нас были люди, которые знают все языки и читают все тексты, однако, прочитав письмо, которое пришло от тебя, они не смогли пере-

Ученым, которые скептически воспринимают османизацию крымской культуры как явный признак ее упадка, следует также принять во внимание ее впечатляющую адаптивность и открытость к новым веяниям, касающимся различных сфер. Возможно, здесь и следует искать корни будущего развития, вследствие которого крымскотатарским общественным деятелям XIX века и реформаторам, таким как Исмаил-бей Гаспралы, удалось добиться успешных преобразований.

Языки, используемые литовской и польской канцелярией

Что касается момента начала польско-литовских отношений с татарами, Краков мог бы претендовать на первенство перед Вильнюсом, поскольку уже в 1241 г. польский князь погиб от рук вторгшихся монголо-татар. Однако, поскольку вследствие влияния географических факторов XIV века отношения Золотой Орды, а затем и Крымского ханства, с Вильнюсом развивались более интенсивно, чем с Краковом, следовательно, описание начнем с Литвы.

В эпоху раннего Нового времени литовский язык не был полностью забыт литовской элитой. Известно, что Ягайло и Витаутас (Витовт) разговаривали на этом языке, особенно когда не хотели быть подслушанными. Тем не менее, официальный язык литовской канцелярии был русинский, иногда называемый «общая речь» (*простая мова*), чтобы отличить его от церковнославянского. Однако это был не разговорный язык, а литературный, произошедший от различных восточнославянских диалектов, используемых населением территорий современной Беларуси и Украины⁵⁸, но и содержащий немного церковнославянского языка и все большее число польских элементов. Русинский отличался от московского русского, но два языка канцелярии были взаимопонятны, поскольку они объединяли церковнославянский язык с местными восточнославянскими диалектами.

Помимо лексического влияния русинского языка, польский язык также непосредственно вошел в использование канцелярии в Великом княжестве Литовском и постепенно заменил русинский язык как официальное средство общения. Процесс начался в XVI веке и завершился к 1697 году, когда польско-литовский сейм принял закон, согласно которому польский язык должен

вести его содержание»; см. Бухарест, Управление Центрального национального исторического архива, Документы Турецкий, № 2349. Благодарю Михала Васюченека (Michał Wasiucionek) за то, что обратил мое внимание на последний и представил мне его копию.

⁵⁸ Часто встречающийся термин «старо-» или «средне-» белорусский настолько неточен, что скрывает влияние вольнского диалекта, заметного еще со времен проживания Витовта в Луцке; см. Андрей Даниленко, «Об имени(ах) *Простая Мова* в Речи Посполитой», *Studia Slavica Hungarica* 51 (2006): с. 97–121, особенно с. 98; ср. также классическая монография Кристиана Станга, *Западнорусская канцелярия – язык Великого княжества Литовского* (Осло, 1935), с. 163.

был стать официальным языком в обеих частях Содружества. К этому времени большинство русской знати стали католиками и полонизировались, вследствие этого предпочли использовать польский язык, ссылаясь на неумение читать кириллицу, тем не менее, все еще звучали голоса тех немногих, выступавших за сохранение русинского языка⁵⁹.

С момента создания литовская канцелярия тоже использовала латынь и немецкий язык, особенно во взаимоотношениях с Тевтонским орденом. Вероятность использования татарского языка во времена Витаутаса также была весьма высока⁶⁰. В XV–XVI веках на великокняжеской службе в канцелярии работало множество татар, и по крайней мере некоторые из них, должно быть, владели письменной речью помимо народной⁶¹. Например, основателем целой династии татарских посланников и переводчиков был Ибрагим Тимирчин, участвовавший в нескольких посольствах в Великую Орду и в Крым, а в более преклонном возрасте служивший в литовской канцелярии. Поскольку его высокое положение было поставлено под сомнение татарами-иммигрантами, переселившимися в Литву намного раньше, ему удалось получить письма от обоих, Менгли Герая и заклятого врага последнего Сейит Ахмеда, в которых

⁵⁹ О проникновении польского языка в литовские учреждения ср. Антуан Мартель, *Польский язык в русинских странах: Украина и Белоруссия, 1569–1667 гг.* (Лилль, 1938), с. 54–66; Богдан Струминский, «Языковой вопрос в украинских землях до девятнадцатого века», в: *Аспекты славянского языкового вопроса*, том II: *Восточнославянский*. Под редакцией Р. Пиккио (R. Picchio) и Х. Голдблатта (H. Goldblatt) (New Haven, 1984): с. 9–47, особенно с. 21–24; о законе 1697 года, известном как *Равенство прав* и содержащем знаменитое положение о государственном языке см. Ежи Малец (Jerzy Malec), *Очерки из истории федерализма и федералистской мысли в новейшее время* (Краков, 1999), с. 38–50; закон опубликован в *(томах) законодательных актов: переиздания сборника законов благодаря стараниям пиаристов XX в. в Варшаве, изданные с 1732 по 1782 год*, том V (Санкт-Петербург, 1860), с. 418; в научной литературе его иногда ошибочно датируют 1696 годом.

⁶⁰ См. Марсели Косман (Marceli Kosman), «Канцелярия великого князя Витольда» *Studia Zródloznawcze* 14 (1969 г.), с. 19–117; Zwan, «Литовско-татарские отношения», с. 598; Банионис, *Посольская служба Великого княжества Литовского*, с. 146–147. Гилберт де Ланнуа, совершивший в 1421 году путешествие в Константинополь через Литву, вспоминал, что великий князь Витовт вручил ему охранные грамоты, написанные на татарском, русинском и латыни (*И упомянутый герцог, уходя, дал мне такие письма, с которыми мне нужно было пройти через Турцию, написаны на татарском, русском и латыни*); смотрите *Жильбер де Ланнуа и его путешествия*, с. 68.

⁶¹ Список татарских переводчиков за 1492–1506 гг., имена которых известны, см. Кшиштоф Петкевич, *Великое княжество Литовское при Александре Ягеллончике (Александр Ягеллон). Исследования по истории государства и общества на рубеже XV и XVI веков* (Познань, 1995), с. 29.

подтверждалось высокое положение его семьи в татарском обществе⁶². Неспоримое доказательство использования татарского языка в литовской канцелярии представлено письмом Сигизмунда I от июля 1511 года. Уведомляя двух своих посланников, отправленных ранее в Крым и все еще остающихся при дворе Менгли Герая, об отправке нового королевского посольства во главе со Станиславом Скиндер, король информировал, что посланнику были вручены два письма: «одно на русинском языке, о содержании которого Станислав должен был сообщить хану устно, а другое на татарском, которое он должен отдать хану, чтобы тот мог прочитать его сам»⁶³.

Тем не менее, даже если бы некоторые письма, адресованные ханам, могли быть написаны на татарском или, вернее, в двух языковых вариантах: русинском и татарском, большая часть переписки велась на русинском языке, поскольку этот язык также использовался крымской канцелярией. С течением времени роль *литовских татар* в дипломатическом обмене снизилась, отчасти из-за ослабления их навыков разговорной речи и особенностей письменности в Крыму⁶⁴. Хотя они ценились как кавалеристы и им разрешили сохранить свою религию, однако они уже играли ограниченную роль в качестве политических или культурных посредников. Их важное возвращение на ранее утраченные передние позиции, прежде всего вызванное коллективным дезертирством в 1672 г., накануне османского вторжения в Польшу, способствовало обновлению их культурных связей с мусульманским миром, но не сослужило хорошей службы их имиджу в Польше. Несмотря на то, что многие из них после настояний Яна III Собеского вернулись, разочарованные суровыми османскими реалиями, им снова отводилась лишь роль солдат, но не дипломатов.

⁶² Об Ибрагиме Тимирчине, а также о его двух братьях и трех сыновьях, также служивших в литовской дипломатии, см. документ 8, № 40.

⁶³ *Один список по русски, содержание которого Станислав может (устно) царю передать, и второй список по-татарски должен царю дать, чтобы царь сам себе вычел (одн spysok po rusky, z ktoroho maet Stanyslav slovom carju movuty, a druhuj spysok po tatarsky maete carju daty, yzbu car sam sobe vicel; см. Пуласки, «Отношения Польши с Татарским краем» (Stosunki polski z tatarszczyzna), с. 382.*

⁶⁴ Мария Иванич утверждает, что польские *commissioners*, сопровождавшие крымское посольство, направлявшееся в Вену через Польшу, набирались из числа польских (вернее, литовских) татар; см. Эдем, «Посольства крымских татар при Венском дворе в 1598–1682 гг.», с. 233. Тем не менее, изучение финансовых документов Габсбургов, цитируемых М. Иванич, выявляет факт, что эти *commissioners* были записаны своими христианскими именами, доказывая, что они были польскими армянами, а не татарами: в 1660 г. татарское посольство в Вену сопровождал *польский комиссар* Лукаш Абазель, и в 1669 году Криштоф (Кристоф) Доминикович; см. Вена, австрийские государственные архивы, общие административные архивы, архивы финансовых и судебных палат, императорские архивы, Факс. 187а, л. 557а–558б, Факс. 189а, л. 290а–291б.

Подводя итог, можно сказать, что в переписке с Кырк Ером (Qırq Yer) Вильнюс преимущественно использовал русинский как в своих собственных документах, так и для записи копий входящих крымских документов, даже если некоторые из последних (крымских), возможно, первоначально были написаны на хорезмийско-тюркском языке (выше было показано, что как хорезмийско-тюркский, так и русинский использовались в Кырк Ере). Полонизация языка литовской канцелярии еще только начиналась к 1569 году, когда роль Вильнюса в отношениях Речи Посполитой с Крымом перешла к Кракову. Поэтому польский язык не успел оказать своего лингвистического влияния. Даже если эти крымские документы, адресованные ягеллонским правителям (т. е. до 1572 года), дошедшие до нас в польских копиях, по-видимому, были впервые составлены или переведены с тюркского на русинский язык и только затем записаны латиницей на польском языке⁶⁵.

Что же касается польской канцелярии, ее официальным языком с периода средневековья была латынь, но в XVI веке начался постепенный процесс полонизации.

Русинский язык также использовался, хотя и гораздо реже, чем в Вильнюсе. Ведь многие королевские подданные были русинами, и их число резко возросло в 1569 году, когда южная половина Великого княжества, включая Волынь и Киев, была присоединена к Польской Короне. В своей зарубежной переписке с европейскими правителями, в том числе османскими султанами, королевская канцелярия использовала латынь вплоть до XVIII века, но это правило не распространялось на их отношения с Москвой и Бахчисараем⁶⁶. В переписке с первой преобладал русинский язык, при этом в случае с последним русинский язык постепенно заменялся польским. В любом случае, конечно, в Бахчисарае легче было найти переводчика с русинского или польского языка, чем с латинского.

По всей видимости, во времена Сигизмунда III торжественные королевские документы, обращенные к ханам, составлялись уже на польском языке, так как их тексты сохранились до настоящего времени только в польских копиях. Тем не менее, русинский все еще использовался наряду с польским. Неслучайно два королевских дипломата, назначенные в Крым в правление Сигизмунда, Лаврин Пясечинский и Флориан Олешко, происходили из волынской знати и оба служили в королевской канцелярии нотариусами (с русинского *писарь*), ответственными за ведение отдельной серии книг, написанных на русинском языке, вследствие этого их свободное владение кириллицей было

⁶⁵ Это документы 1, 4, 28, 31 и 33 ок. 1462, ок. 1473, 1539, 1542 и 1560 гг.

⁶⁶ Следует признать, что письма Августа II, отправленные в Бахчисарай, были составлены на латыни; ср. № 80 ниже.

несомненным. В 1601 году Пясечинский вез с собой серию писем на русинском языке, адресованных хану, калге и другим татарским чиновникам⁶⁷.

Иногда польская канцелярия могла предоставить королевский документ с турецким переводом арабской графикой, о чем свидетельствует дневник Пясечинского 1602 г.⁶⁸

Однако качество таких переводов зависело от уровня знаний (квалификации) переводчиков, работавших в данный момент в королевской канцелярии, который варьировался от отличного⁶⁹ до очень плохого.

⁶⁷ *Письма Его Величества Короля, написанные на русинском языке...* см. Пуласки, «Три послания Пясечиньского», с. 247. О карьере Пясечиньского и Олешко, как нотариусов, отвечающих за ведение русинских книг Королевского регистра соответственно в 1569–1591 и 1583–1619 годы, см. Патриция Кеннеди Гримстед, «Русинская (Вольнская) Метрика: Записи польской королевской канцелярии по украинским землям, 1569–1569 гг. 1673 год», *Гарвардско-украинские исследования* 14 (1990): с. 7–83, особенно с. 23–26 и с. 62–63; Петро Кулаковский, *Канцелярия Русской (Вольнской) метрики 1569–1673 гг. Студия из истории украинского регионализма в Речи Посполитой* (Острог–Львов, 2002), с. 140–152. Пясечинский (Ruth. Lavryn Hnivošovyc Písocýns'kyi) (Русин. – Лаврин Гнивошович Писочиньский), в юности привлеченный идеями Реформации, стал католиком, а Олешко (Руфь Флориан Семенович Олешко) родился в православной семье, принял католицизм где-то между 1588 и 1599 гг.

⁶⁸ См. № 347 в части 1. Два письма в оригинале, изданные польской канцелярией XVII века на османском турецком языке, хранятся в Библиотеке Чарторыйских (Czartoryski Library) в Кракове. Они были составлены в 1653 году и переданы Касперу Шиманскому, королевскому посланцу, отправленному к калмыкам. Издано от имени короля Иоанна Казимира и Коронного Канцлера Стефана Корыщинского, адресованы «Его Превосходительству султану, нашему процветающему и могущественному другу, правителю земли калмыков» (*Qalmaq vilayetiniñ hakimi olan sa'adetlu ve şevketlu dostumuz sultan hazretleri*). Письма, написанные графикой *дивани*, сохранились в запечатанных оригиналах; см. Библ. Чарт., мс. 609, № 37–38, с. 293–308 (Барановский, писавший о миссии Шиманского, был знаком только с их современными польскими переводами, хранящимися в AGAD, Книги дипломатических миссий, № 33, л. 84б–85а; ср. то же, *Познание Востока в древней Польше*, с. 217–218). Они так и не дошли до адресата, поскольку миссия Шиманского, вероятно, была отменена; см. *История Польской дипломатии*, том 2, с. 275 и 285. Остается неизвестным, кто составил эти письма, написанные на приличном османском турецком языке; возможно, это был Войцех Бечинский, королевский переводчик восточных языков того времени.

⁶⁹ Самуэль Отвиновский и Францишек Менинский (урожденный Франсуа Месньен – François à Mesgnien), назначенные в Королевскую канцелярию в XVII веке, были одними из лучших европейских переводчиков того времени. Переводы документов на османский и крымский языки, выполненные Отвиновским, сохранившиеся в различных рукописных коллекциях, до сих пор вызывают восхищение своей точностью. Менинский более десяти лет провел в Польше, где был удостоен

В XVII веке польский язык стал использоваться в крымской канцелярии, а также часто во взаимных переговорах между польскими и татарскими *представителями*. Однако к XVIII веку он утратил большую часть своей привлекательности для восточноевропейской элиты. В это время сюда прибыли несколько иностранцев, типично левантийского происхождения, и поступили на польскую службу в качестве дипломатов и переводчиков⁷⁰. Несмотря на то, что рано или поздно они осваивали польский язык, все же часто предпочитали переводить написанные арабской графикой документы, поступающие из мусульманских столиц, на латынь или французский язык, поэтому эти языки приобрели важное значение в отношениях между Бахчисараем и Варшавой.

Оригинальные документы, опубликованные в настоящем сборнике

Все документы, опубликованные в данном томе и сохранившиеся в оригинале, в настоящее время хранятся в Центральном архиве древних актов (*Archiwum Głównie Akt Dawnych*) в Варшаве, в разделе под названием «Коронный варшавский архив». Польские коронные архивы были созданы в XIV веке и первоначально находились в Кракове.

После переезда королевского двора в Варшаву в конце XVI века королевские архивы были разделены на два отделения: Краковское и Варшавское, но в 1765 году они были объединены в один архив в Варшаве. После разделов Речи Посполитой в 1795 году польские коронные архивы были вывезены в Петербург, а в 1828 году переведены в Москву и включены в состав Московского Главного Архива Министерства иностранных дел (*Московский Главный Архив Министерства [Коллегии до 1834 г.] Иностранных Дел*). В результате возрождения Польши после Первой мировой войны и победоносной польско-советской войны, завершившейся Рижским договором (1921 г.), в 1923 году польские коронные архивы вернулись в Варшаву, где и пребывают по сей день, к счастью, сумев уцелеть в период нацистской оккупации во время Второй мировой войны⁷¹.

Два наиболее ранних документа о мире, изданные крымскими ханами и сохранные в оригинале в королевских архивах, это 1514 года (на итальянском языке) и 1520 года (на хорезмийско-тюркском языке)⁷². Безусловно, с

дворянства (следовательно, он взял польскую фамилию), но успешную карьеру лингвиста он сделал после того, как поступил на службу к Габсбургам в Вене.

⁷⁰ По крайней мере двое из них заслуживают упоминания, а именно Францишек Джулиани и Антони Крутта (последний родился в Албании).

⁷¹ О восстановлении Архивов Польской Короны, обусловленном Договором в Риге, см. Юзеф Семенский, «Возрождение Королевских архивов», Архейон 1 (1927): с. 33–60.

⁷² О татарских документах, хранящихся в польских архивах, в том числе *ярылык* Тохтамыша от 1393 г., ср. Зигмунт Абрахамович, «Документы татарские и турецкие в польских коллекциях», с. 141–148. Самый древний крымский доку-

сожалением необходимо признать, что более ранние оригиналы не сохранились, но стоит подчеркнуть, что наиболее ранний крымский документ о мире, в настоящее время хранящийся в Москве, издан более столетия спустя и исходит от 1630⁷³.

Из пятнадцати крымских документов в оригинале, опубликованных в настоящем томе⁷⁴, одиннадцать уже были опубликованы, выполненные в арабской графике, на страницах фундаментального труда «Материалы для истории Крымского ханства», изданного в 1864 году Владимиром Вельяминов-Зерновым и Хусаином Фаизхановым⁷⁵.

Указанная работа содержит 378 крымских документов, адресованных российскому и польскому дворам, хранившихся в XIX веке в Москве, но в насто-

мент, сохранившийся в оригинале (на русинском языке), – письмо Менгли Герая от 1512 года; ср. № 34 выше и № 123 в части 1.

⁷³ Немного более ранний документ 1624 года сохранился в современной копии арабской вязью; ср. № 394 в части 1. О древнейших документах о мире в оригинале, адресованных русским царям и сохранившихся в Москве, ср. № 192 ниже. По общему признанию, можно найти более старые крымские документы, сохранившиеся в российских коллекциях, но это не документы мира.

⁷⁴ Не считая текста присяги татарских полномочных представителей от 1667 г., заверен польским гетманом Яном Собеским собственноручной подписью.

⁷⁵ *Материалы для истории Крымского ханства извлеченные, по распоряжению Императорской Академии наук из Московского Главного архива Министерства иностранных дел.* Под редакцией В. Вельяминова-Зернова и Х. Фаизханова [Fejzhanov] (Санкт-Петербург, 1864). О ключевой роли Фаизханова, затмеваемой в научной литературе его более видным российским коллегой, по сбору и копированию татарских документов, см. Сагит Фаизов, «Значение наследия Хусаина Фаизханова в области крымскотатарской археографии для изучения истории Крымского юрта и русско-крымских отношений» в: *Хусаин Фаизханов. Жизнь и наследие. Историко-документальный сборник.* Отредактировано Д. Мухетдиновым (Нижний Новгород, 2008): с. 145–149. Сборник Вельяминова-Зернова и Фаизханова недавно был переиздан с новым предисловием. А. Мелек Озетгин и Ильяс Камалов; см. *Ярлыки и письма, относящиеся к Крымской родине и соседним регионам. Источники по истории Крымского ханства.* (*Kirim yurtına ve ol tarafılarına dair bolgan yalıklar ve hatlar, Kirim tarihine kaynaklar*), [Отредактировано] В. В. Вельяминов-Зернов (Санкт-Петербург, 1864). Вступление-*Факсимиле*. Подготовлено к публикации А. М. Озетгин и И. Камалов (Анкара, 2009). Увы, новое введение ненадежно с точки зрения исторического контекста. Например, авторы приняли Сигизмунда I из Польши за Василия III Московского и Фридриха Августа Саксонского (т. е. Август III Польский) за Фридриха II Прусского, таким образом неверно атрибутируя (определяя) как старейшие, так и новейшие документы, опубликованные в сборнике; ср. *там же*, с. XI.

ящее время вновь разделенных между Москвой и Варшавой⁷⁶. Редакторы исключили документ *Договора в Зборове* (1649 г.) – видимо, по небрежности, как и все крымские документы, не написанные арабской графикой (хотя они были проштампованы печатями с арабской вязью), включая итальянский документ 1514 года и документы на польском языке 1667 и 1672 годов, которые опубликованы в настоящем томе.

К сожалению, нет никаких татарских документов, адресованных великим князьям Литвы: Витовту, Свидригайло и Сигизмунду, правившим автономно под сюзеренитетом польских королей в 1392–1440 гг. Они, как известно, вели переписку с ханами, однако эти документы не сохранились либо в оригинале, либо в копии. Ряд более поздних документов, адресованных королям Казимиру и Сигизмунду, написанных именно по-литовски, а не по-польски, сохранились в копиях. Примечательно, что хотя в 1514 и в 1520 г. ханы издали отдельные документы для Литвы и для Польши, в настоящее время в оригинале сохранились только выпущенные для Польши, а выпущенные для Литвы сохранились лишь в копиях. Можно предположить, что документы, касающиеся Литвы, содержались в Великокняжеском архиве, хранившемся первоначально в Тракае, а с начала XVI века в Вильнюсе⁷⁷.

Большинство из них, вероятно, погибло в великом пожаре Вильнюсского Нижнего замка во время российского вторжения в 1655 г., если они не были уничтожены временем еще раньше. Часть Великокняжеского архива уцелела после катастрофы (см. ниже в Литовском реестре). Кроме того, некоторые документы вновь появились в частных архивах, особенно в архивах семьи Радзивиллов, потому что литовские канцлеры, среди которых можно найти множество Радзивиллов, печально известны привычкой хранить государственные документы в своих частных архивах⁷⁸. Тем не менее, ни одного крымского

⁷⁶ Из 378 крымских документов, опубликованных в *Материалах*, 67 принадлежат польским *Королевским архивам*; ср. Абрахамович, «Документы татарские и турецкие в польских коллекциях», с. 147.

⁷⁷ См. Патрисия Кеннеди Гримстед, «Архивное наследие Великого Герцогства Литовского: судьба ранних исторических архивов в Вильнюсе». *Славянский и восточный Европейский обзор* 57 (1979): с. 552–571, особенно с. 553–554; ср. Эдем, при сотрудничестве Ирены Сулковской-Курасёвой, «Литовская метрика» в *Москве и Варшаве: Реконструкция архивов Великого княжества Литовского. Включая аннотированное издание Описи 1887 года, составленное Станиславом Пташицким* (Кембридж, Массачусетс, 1984), с. 11.

⁷⁸ Пост литовского канцлера занимали члены семьи Радзивиллов в 1492–1521, 1550–1579, 1623–1656 и 1690–1719 годы; кроме того, пост вице-канцлера (*podkandderzy*) принадлежал членам этой семьи в 1579–1585, 1619–1623 и 1668–1690; итого в 1492–1521, 1550–1585 гг. В 1619–1656 и 1668–1719 годах канцлером или вице-канцлером был Радзивилл; см. *Основные чиновники и сановники Великого княжества Литовского, XIV–XVIII вв. Спайси* (Spisy) Под редакцией Х. Лулевича и А. Рачубы (Корник, 1994), с. 51–53 и с. 146–149; о государственных документах

ярлыка в оригинале, адресованного литовскому правителю, как известно, не сохранилось ни в государственных, ни в частных архивах.

Печальная судьба литовских архивов в настоящее время лишь частично влияет на настоящее исследование, поскольку после 1569 г. ведение крымских дел перешло к польской канцелярии и поступающие документы ханов хранились уже не в Вильнюсе, а в Кракове или Варшаве. Более серьезным недостатком, оказывающим влияние на баланс настоящего исследования, является полное отсутствие оригиналов польско-литовских документов, отправленных в Кырк Ер или Бахчисарай, которые, вероятно, когда-то хранились в ханских архивах. Единственный сохранившийся документ, который, вероятно, можно было считать оригиналом, – это присяга польских полномочных представителей, принятая в 1667 году в Подгайцах, заверенная гетманом Яном Собеским его собственноручной подписью и отправленная в Варшаву для хранения в Королевском архиве. Этот документ сохранился, потому что он не был отправлен в Крым и хранится сегодня в польском, а не крымском архиве. Последние, как известно, погибли в великом пожаре ханского дворца в Бахчисарае во время российского вторжения 1736 года.

Как и в случае с Литовской катастрофой 1655 года, крымские архивы не были полностью уничтожены в 1736 году. Например, после падения Крымского ханства последний казначей (*hazinedar*) Мехмед-ага представил российским властям более 100 реестров, большинство из которых содержали протоколы дел, рассмотренных в центральном крымском суде⁷⁹. Самые старые реестры датируются первой половиной XVII века и, очевидно, не пострадали от вторжения Миниха в 1736 году. Доставленные из Симферополя в Санкт-Петербург в 1905 году, в настоящее время эти реестры составляют раздел (*фонд*) по имени *Kazy-askerskie knigi Krymskiego hanstva* (*Кадюаскерские книги Крымского ханства*) в Российской национальной библиотеке⁸⁰. Более того, в Российском

Литвы, хранящихся в семейном архиве Радзивиллов, см. Кеннеди Гримстед, «Архивное наследие Великого княжества Литовского», с. 567 и более недавно Вальдемар Микульский, «Документы из архива Великого Княжества Литовского в Варшавском архиве Радзивиллов», в: *Разное историко-архивистское*, том VII (Варшава, 1997): с. 71–83, особенно с. 73. После Первой мировой войны эти архивы были переданы из резиденции Радзивиллов в Несвиже (польск. *Nieswiez*) в Варшаву, а после Второй мировой войны они были национализированы и включены в состав Главного Архива древних актов.

⁷⁹ См. Федор Лашков, «Исторический очерк крымскотатарского землевладения», в: *Известия Таврической ученой архивной комиссии*, том 21 (Симферополь, 1894): с. 59–89, особенно с. 65.

⁸⁰ См. Санкт-Петербург, Российская национальная библиотека, фонд 917. Об их переезде из Симферополя см. *Отчет Императорской Публичной Библиотеки за 1905 год* (СПб., 1912), с. 38–39. Помимо дел, рассматриваемых судом, в этих реестрах также содержались многочисленные ярлыки; тем не менее, все эти ярлыки касались внутренних вопросов, в то время как никаких документов, касающихся

Государственном Архиве Ранних Актов в Москве найдены четыре оригинала писем, адресованных хану Каплан Гераю, отправленных в 1714 г. польским королем Августом II, его соперником Станиславом Лещинским и польским великим гетманом Адамом Николаем Сенявским, все сохранились в конвертах с оригинальными печатями. Вопрос, как эти письма нашли свой путь в Москву и почему они были включены в российскую переписку со Стамбулом, а не с Бахчисараем, по сути, нуждается в отдельном исследовании⁸¹.

Историки любят мифологизировать отдельные драматические события – как символические моменты разрушения «национального наследия», так и даты русского вторжения в Вильнюс (1655 г.) и Бахчисарай (1736 г.). В русской историографии подобное наблюдается и в вопросе со вторжениями в Москву, соответственно, татар (1571 г.), поляков (1610–1612 гг.) и французов (1812 г.). Правда бывает иногда менее ясна и более сложна. Приведем пример: татарское и польское нашествие на Москву, по общему признанию, принесло огромные потери российским архивам, о чем свидетельствуют описи, выполненные сразу после этих событий по заказу российских властей. Однако значительный ущерб приносился и природными силами, особенно великим пожаром 1626 года, и, тем не менее, после всех этих событий в России в XVII веке сохранялось множество древних крымских документов, хранившихся в Москве⁸². Если сегодня их уже нет, то это, вероятно, по менее глобальным причинам, чем вражеские вторжения или пожары, а банально – влага, черви, человеческое пренебрежение и – даже в наши дни – отсутствие денег на их надлежащее содержание и восстановление.

иностранных дел, там найдено не было (кроме ряда дел, касающихся османских подданных, прибывших в ханство); о кратком содержании *ярлыков*, записанных в этих реестрах до 1774 г., см. Наталия Круликовская, «Право и разделение власти в Крымском ханстве. Исследование правления Мурада Герая (1678–1683)». Неопубликованная докторская диссертация. Варшава, 2010, с. 234–251 (Приложение I).

⁸¹ См. РГАДА, ф. 89 «Сношения России с Турцией», ор. 4, № 4. Я хочу поблагодарить Наталью Круликовскую за то, что обратила мое внимание на эту коллекцию. Два письма Августа II (на латыни) датированы 20 августа и 7 сентября 1714 года в Рыздине (*Rydzyna*), и письмо гетмана Сенявского (на польском языке) от 25 сентября в Сатанове (польск. *Satanow*). Все они имеют в виду вернувшееся крымское посольство Сефер-шах-бея, который успешно вел переговоры о перемирии между королем и ханом. Письмо Станислава Лещинского (на польском языке) датировано июлем 1714 года в Цвайбрюккене [*Zweibruken (Deux-Ponts – Два Моста)*], выражает разочарование автора сближением его заклятого врага и Каплан Герая. Станислав сослался на свою давнюю дружбу с ханом и посоветовал ему не доверять Августу II, пока последний был на стороне Московии; на политическом фоне эту переписку см. 555 в части I.

⁸² Об описях московских архивов, заказанных и оформленных в 1570-е годы (без даты), 1614 и 1626 годы, см. примечания 25–26 выше.

Как бы старательно не были упакованы эти документы, им все равно угрожали различные опасные факторы еще до достижения относительной безопасности, обеспечиваемой архивным хранилищем. Некоторые документы перевозились туда и обратно между соответствующими столицами с целью внесения «поправок» или в качестве образцов для составления новых документов. В Королевском реестре хранится письмо Менгли Герая, адресованное королю Богемии. Оно было переписано в 1472 году. Имеется пояснительная записка писца на польском языке. Хотя текст письма написан на латыни, примечание писца на полях на польском языке объясняет прискорбное состояние ханского документа. Читая фразу «*и остальное растерзали свиньи*» (*a ostatek swyniye wuryly*), мы легко можем себе представить обветшалый постоянный двор с сараем для скота, в котором, должно быть, жили крымские посланники, проводившие там ту злосчастную ночь, когда произошел упомянутый инцидент⁸³.

Конечно, толпа пьяных солдат может причинить большой ущерб, а победоносные полководцы, охваченные славой и другими более насущными делами, часто остаются глухи к судьбе захваченных бумаг и книг. Но столь же вероятно, что завоеватели сохранили бы их в порядке, дабы эффективно управлять захваченными землями, взимать налоги с завоеванного населения и, что не менее важно, узаконить свое завоевание.

Даже в тех редких случаях, когда завоеватели действительно хотят уничтожить культурное наследие побежденных, как нацисты в Варшаве после подавленного восстания 1944 года, они часто не выполняют свою работу «должным образом», потому что им мешает это сделать побежденный народ, наблюдатели (вроде вышеупомянутого крымского казначея Мехмеда-аги или недостаточная мотивация собственных подчиненных).

Десять лет назад в международном научном сообществе существовала твердая убежденность, что советские власти наряду с изгнанием татар из Крыма в 1944 году, сознательно и беспощадно уничтожили их культурное наследие, хранившееся в советских архивах и библиотеках⁸⁴. В настоящее время мы знаем, что, по крайней мере, часть этого наследия сохранилась, хотя тяжелые потери, понесенные татарской культурой в 1930–1940-е годы, несоизмеримы. Остается надеяться, что когда-нибудь еще больше крымских документов всплывут на поверхность из крымских архивов в какой-нибудь чрезвычайно богатой русской коллекции.

⁸³ АГАД, Метрыка Koronna, Книги надписей, вып. 12, л. 79б; опубликовано в Пуласки, *Отношения Польши с Татарским краем*, с. 199; об этом посольстве см. № 53 в части 1.

⁸⁴ См. Халил Иналджик, «Znahidka kadijskih sudziliv (sudovyh knygy) Krymskogo hanatu», в: Марра Мунди (*Карта мира*): *Сборник научных трудов в честь 70-летия Ярослава Дашкевича (Львов-Киев-Нью-Йорк, 1996)*, с. 308–329, особенно с. 308–310, автор, заявивший об обнаружении нескольких десятков микрофильмированных судебных реестров крымского суда, сохранившихся в местном крымском архиве, не знал о судьбе их оригиналов, сохранившихся в СПб., см. № 79 выше.

Официальные переводы, хранящиеся в королевских архивах

Крымские письма, написанные арабской вязью и адресованные христианским дворам, иногда являлись переводами, выполненными в ханской канцелярии. Чаще всего буквы арабской графики переводились во дворах адресатов-получателей официальными переводчиками, работавшими во всех канцеляриях, поддерживавшими регулярные контакты с мусульманскими государствами. Такие переводы сохранялись в архиве адресата вместе с полученными оригиналами, носили официальный характер и рассматривались, конечно же, получателем, не обязательно отправителем – как равный оригиналу, выполненному арабским письмом.

В польских королевских архивах сохранились официальные переводы на отдельных листах или же написанные на турецком на обратной стороне оригиналов документов. Их юридическое значение было аналогично действующим официальным документам, внесенным в Королевский реестр (см. ниже). Фактически, последний обычно основывался на официальных переводах, а их тексты часто идентичны. В настоящее время дошедшие до нас переводы особенно ценны в тех случаях, когда оригинальные письма не сохранились.

Например, четыре крымских документа: Гази Герая II от 1599 г., посланника последнего Джан Темир-аги того же года, Мехмед Герая III от 1624 года и Инает Герая 1635 года, в оригинале уже не сохранились, но их официальные переводы на польский язык хранятся в королевских архивах. Переводы документов 1624 и 1635 годов были выполнены королевским переводчиком Самуэлем Отвиновским (*Samuel Otwinowski*) с ныне утраченных турецких оригиналов. В переводе документа 1624 г. есть даже примечания и пояснения Отвиновского, данные в скобках, и мы можем получить более глубокое представление о его знании османско-турецкого языка⁸⁵. Что касается ханского документа 1599 года, то его турецкий оригинал был утрачен уже во времена Отвиновского. Обвиненный в 1641 г. в сборе древних крымских документов, королевский переводчик записал, что не смог найти его (этот перевод) в королевских архивах, поэтому он просто скопировал более ранний польский перевод. Оригинал документа Джана Темира-аги 1599 года также исчез к 1785 году или, вероятно, еще намного раньше. Он сохранился в переводе, который выполнил королевский переводчик канцелярии *Machin Chir* (*Мачин Чир*)⁸⁶.

⁸⁵ См. документ 48, примечания 3 и 5–6.

⁸⁶ О двух документах 1599 года и их переводах см. документ 37, № 1 и документ 38, № 1.

Официальные копии, внесенные в Королевский и Литовский реестры

Несмотря на постепенное объединение Польской Короны и Великого княжества Литовского, длившееся с небольшими перерывами с 1386 по 1795 год, два государства сохраняли отдельные канцелярии до распада Речи Посполитой. Ни Краков, ни Вильнюс формально не отказались от поддержания многосторонних дипломатических отношений, хотя порой они признавали недостаточный опыт в определенных сферах и вопросах, оставляя их решение за союзником⁸⁷.

Поскольку Польша с 966 года являлась частью латинской христианской Европы, ее канцелярия имела давнюю традицию дипломатических контактов со Священной Римской империей, папством, а также другими дворами Западной и Южной Европы. Краков также поддерживал интенсивные дипломатические отношения со Стамбулом, поскольку политические интересы Польши и Османской империи пересекались в Венгрии и Молдавии.

С другой стороны, Вильнюс имел больше опыта в переписке с Москвой и татарским ханством, которая обычно велась кириллицей. Некоторые направления дипломатии имели равное значение как для Кракова, так и для Вильнюса, например, отношения с Тевтонским орденом или Молдавией. В таких случаях состав иностранного посольства мог быть разделен в зависимости от их значимости для обоих: Кракова или Вильнюса, и документы включались соответственно в польские или литовские канцелярские книги⁸⁸. С начала XVI века возрастающая финансовая доля участия Польской Короны в защите литовских восточных границ и в подготовке подарков ханам привели к повышению интереса Кракова к участию в московских и крымских делах. Присоединив южные провинции Литвы в 1569 году, Польша одновременно получила общую границу с Московией и территориально отрезала Литву от Крымского ханства. В результате после 1569 года вопросы, связанные с Крымом, почти полностью перешли в ведение Кракова, в то время как московские дела Вильнюс и Краков вели совместно.

Подводя итог, к 1569 году переписка с Крымом поддерживалась как Вильнюсом, так и Краковом, хотя связи с Вильнюсом были гораздо интенсивнее, особенно до 1514 года. После 1569 года роль Вильнюса в значительной мере сократилась, что было отражением сокращения роли Великого княжества Литовского в южной политике союзного государства. Официальные копии бумаг, касающихся дипломатического обмена с Крымом, можно найти в собраниях как польских, так и литовских государственных документов, хотя доля последних резко снижается после 1569 года.

⁸⁷ См. № 143 в части 1.

⁸⁸ О таком разделении бумаг, исходящих из одного молдавского посольства, ср. Банионис, «К вопросу о генезисе посольских книг (1480–1486г.)», с. 70–71.

В Польской Короне содержание официальной переписки, полученной и отправленной в иностранные дворы, обычно⁸⁹ фиксировалось в Королевском реестре (*Lat. Metrica Regni Poloniae, Pol. Metryca Koronna*). Первоначально, вопросы, касающиеся внутренних и внешних дел, рассматривались все без исключения и записывались в Книгах надписей (*Lat. Libri Inscriptionum*). Тем не менее, во всяком случае с 1501 года, иностранная корреспонденция стала вноситься в Посольские книги (*Lat. Libri Legationum*), которые изначально были частью Книг надписей, но затем стали отдельными сводами документов.

Однако иногда случалось так, что документы, касающиеся иностранных дел, были скопированы в *Книги надписей*⁹⁰. Судьба Посольских книг была не менее примечательной, чем оригиналов документов, хранившихся в королевском архиве. Вывезенные в Швецию в 1655 году и возвращенные в Польшу после *Оливского договора* (*The Treaty of Oliva*) (1660 г.), они с 1795 по 1923 гг. хранились в России вместе с королевским архивом⁹¹. В разные времена некоторые книги были отделены от основного корпуса документов. Например, книга дипломатической миссии, содержащая перевод ханского документа 1607 года, в настоящее время хранится в библиотеке Варшавского университета⁹².

Частые поездки ягеллонских правителей в Литву не нарушали деятельности королевской канцелярии. Зачастую короля в Литве сопровождал королевский канцлер или вице-канцлер (*Pol. podkanclerzy*), имея возможность и в Вильнюсе выдавать документ от имени Польши, с последующей записью в Королевском реестре⁹³.

⁸⁹ И в польском, и в литовском случае известна только часть документов, отправленных или полученных соответствующими канцеляриями, записанная в дошедших до нас реестрах. Так, из 2106 документов, о которых нам известно, что они были выданы, в дошедших до нас книгах 1492–1506 годов зафиксировано лишь 934 (т. е. 44%) в Литовском реестре. Разницу можно объяснить двумя факторами: а) не все документы были зарегистрированы; б) не все тома реестра сохранились; ср. Pietkiewicz, *Wielkie Księstwo Litewskie pod rządziemi Aleksandra Jagielonczyka*, с. 37.

⁹⁰ Например, документы умиротворения 1667 г. (ср. документы 66–69) записаны в Книге надписей № 206, этот раздел охватывает л. 618а–752б и целиком посвящен зарубежной переписке.

⁹¹ Книги надписей вернулись в Варшаву уже в 1799 году (до этого времени находились в Пруссии).

⁹² См. документ 43; О дипломатических книгах см. Ирена Сулковская-Курасёва и Янина Вейхертова (Janina Wejchertowa), «Księgi poselskie (*Libri Legationum* – Посольские книги) *Metryki Koronnej*», *Archion* 48 (1968), с. 61–73.

⁹³ Об организации польской канцелярии, особенно в XV в., см. Ирена Сулковская-Курасёва, *Польская королевская канцелярия в 1447–1506 гг.* (Вроцлав-Варшава-Краков, 1967); Вальдемар Хоронжичевский (Waldemar Chorazyczewski), *Организационные изменения польской королевской канцелярии на пороге современности* (Торунь, 2007); *Księga Metryki Koronnej podkanclerzgo Andrzeja*

В Великом княжестве Литовском аналогичную Королевскому реестру роль играл Литовский реестр (лат. *Metrica Magni* – Метрика Великого княжества Литовского). Его латинское название появилось по аналогии с польским и, как и в случае с Королевским реестром, относится к первой половине XV века. У литовских историков есть много причин не воспринимать идею польской *цивилизаторской миссии*, транслируемую некоторыми их польскими коллегами, особенно в недалеком прошлом⁹⁴. Тем не менее, *взаимные заимствования* в практике работы канцелярий в Кракове и Вильнюсе были неизбежны, учитывая перемещение людей и опыт сосуществования при одной династии. Хотя литовская канцелярия имела свои древние корни и использовала преимущественно русинский, а не латинский язык, многие разработки в Кракове и Вильнюсе были параллельны.

Эгидиус Банионис (*Egidijus Vanionis*) убедительно продемонстрировал, что в Литве так же, как и в Польше, Книги дипломатических миссий выделились в отдельную категорию только в XVI веке, хотя уже в XV веке вопросы, связанные с иностранными делами, обычно фиксировались в виде отдельных сборников, которые затем объединились в более объемные собрания различного содержания⁹⁵.

Лишь немногие из самых ранних томов Литовского реестра сохранились в оригинале⁹⁶. Большинство сохранившихся томов представляют собой копии, выполненные в 1594–1607 гг. по приказу Льва Сапеги (*Lew Sapieha* – *Lev Sapeha*), канцлера великого литовского, поскольку уже при нем оригиналы были в плохом состоянии. После изготовления копий оригиналы были либо сознательно уничтожены литовскими властями, либо погибли во время большого пожара в Вильнюсском Нижнем замке, вызванного русским вторжением 1655 года⁹⁷.

Oporowskiego z lat 1479–1483 ze spuscizny Antoniego Prochaski, Из наследия Антони Прочаска. Под редакцией Г. Рутковской (Варшава, 2005).

⁹⁴ Представление об этой школе см. у Витольда Каменецкого, *Литовское общество в XV веке* (Варшава, 1947).

⁹⁵ Банионис, «К вопросу о генезисе посольских книг (1480–1486 г.)», с. 64–84.

⁹⁶ Вот такой редкий пример: книга, охватывающая 1511–1516 гг. и составленная около 1516 г., сохранилась в оригинале, см. Криштоф Петкевич (*Krzysztof Pietkiewicz*) «Книга из 9 учётных документов (учётный документ) Литовской метрики, оформление и содержание, и дополнение до 1518 г. из Архива Радзивилловского» (*Archiwum Radziwillowskiego*), в: «Летувос Метрика» 1991–1996 *metu tугenejimai* – годы исследований (Вильнюс, 1998): с. 11–35; книга отредактирована вместе с приложением, охватывающим 1516–1518 гг., в: *Литовские метрики. Номер книги 9 (1511–1518 гг.). Письменная книга 9*. Отредактировано К. Петкевичем (Вильнюс, 2002).

⁹⁷ Криштоф Петкевич изначально разделял традиционную точку зрения, согласно которой оригиналы книг погибли во время русского вторжения 1655 г.; ср. *то же самое*, «Новая школа Литовские Метрики», *Литовско-Славянская Позна-*

Приблизительно к 1735 году Литовский реестр был перевезен из Вильнюса в Варшаву и интегрирован в Королевский реестр⁹⁸. В 1777 году было принято решение переписать старейшие сборники документов на кириллице из Литовского реестра на латиницу, так как знание кириллицы постепенно сокращалось. Работой руководил Адам Нарушевич (Adam Naruszewicz), доверенный королевский секретарь, католический епископ и бывший иезуит, также известный как выдающийся историк и ведущий деятель польского просвещения. В конечном итоге содержание наиболее ранних шестидесяти шести книг было скопировано в двадцать девять новых книг, написанных латиницей.

После распада Содружества в 1795 году все книги Литовского и Королевского реестров были перевезены в Петербург, но в 1799 году содержимое королевских реестров (кроме дипломатических книг) было передано прусским властям и вернулось в Варшаву (тогда находившуюся под властью Пруссии). Наряду с Королевским реестром двадцать девять книг на латинице Литовского реестра также вернулись в Варшаву и в настоящее время находятся там.

Большая часть томов Литовского реестра, доставленная в Петербург в 1795 году, в 1887 году была передана в Московский архив Министерства юстиции. Ряд томов, отнесенных к категории *дипломатических книг* (*Legation Books*), еще в 1828 году были перевезены в Москву для хранения в Главном архиве МИД наряду с бывшим *Архивом Польской Короны* (*Polish Crown Archives*) и *Королевским реестром* (*Crown Register*). В 1923 году во время переговоров по завершении польско-советской войны и вскоре после подписания Рижского договора Москва отказалась восстанавливать Литовский реестр в Варшаве, но согласилась восстановить королевские архивы и Королевский реестр. Отказ был обоснован тем, что Литовский реестр был частью скорее литовского и белорусского, чем польского культурного наследия. С другой стороны, независимая Литва, восстановившаяся после Первой мировой войны и имеющая право в первую очередь на свое архивное наследие, находилась тогда в остром конфликте с Польшей из-за города Вильнюса, древней столицы Литвы, но на тот момент населенного в основном поляками и евреями. Уже находившееся в военном конфликте с Варшавой правительство в Каунасе не решалось затрагивать весьма неоднозначный вопрос исторического наследия, что было чревато ухудшением отношений с Москвой. Хотя восстановление культурных ценностей обсуждалось Каунасом и Москвой в 1920-е годы, про-

ния. *Студия Историка* 7 (1997 г.): с. 133–153, особенно с. 134; однако совсем недавно тот же автор заявил, что оригиналы книг были уничтожены после завершения изготовления копий, чтобы избежать будущих споров, которые могли возникнуть в результате существования двух параллельных версий; к сожалению, он не подкрепил этот тезис никакой ссылкой; ср. его введение в *Литовские Метрики. Книга № 9 (1511–1518 гг.). Письменная книга 9*, (Тетрадь, записная книжка), с. 11.

⁹⁸ См. Петкевич, «Новое издание Литовской Метрики», с. 135; более ранние авторы датировали этот перевод 1740-ми годами.

блема осталась нерешенной до 1940 года, когда Литва была присоединена к Советскому Союзу. Тем временем, в результате последующих реорганизаций в Москве в 1925, 1940 и 1952 годы, сохранившиеся тома Литовского реестра (*Lithuanian Register*), ранее находившиеся в Московском архиве Минюста, были перегруппированы в раздел (фонд) № 389 (*Литовская Метрика*) (*Litovskaja Metrika*), принадлежащий Центральному Государственному Архиву Ранних Деяний (ЦГАДА), хотя все это время они оставались под одной крышей. Тома, ранее хранившиеся в Главном архиве МИД, были переданы в это же здание уже в 1925 году, но только в 1954 году были включены в основной корпус реестра (поэтому они сегодня обозначаются большими цифрами: от 587 до 601)⁹⁹.

После распада Советского Союза в 1992 году СГАДА была переименована в РГАДА (Российский Государственный Архив Актов), но расположение и структура принадлежащих ему фондов остались неизменными. Как и после первого в 1918 году, так и после второго возрождения независимой Литвы в 1990 году не состоялось передачи Литовского реестра Москвой Вильнюсу, но еще в советское время микрофильмы книг реестра, хранившиеся в Москве, были переданы в Литовский государственный исторический архив в Вильнюсе.

Десять документов, опубликованных в настоящем сборнике, сохранились в копиях в Королевском реестре (*Crown Register*) (шесть в *Посольских книгах* и четыре в *Книгах надписей*). В два раза больше, а именно двадцать четыре, хранятся в *Литовском реестре*. Из девяти томов, в которые скопированы эти документы, четыре можно отнести к категории *Посольских книг*. Самая ценная из них, книга № 7, содержащая 1298 пронумерованных страниц, заполненных зарубежной корреспонденцией с периода между началом правления Сигизмунда (1506 г.) и 1530-ми гг.¹⁰⁰ Четырнадцать документов периода 1506–

⁹⁹ Краткую историю Литовского реестра см. Ирена Сулковска-Курасева, «Литовская метрика – характеристика и история», *Архив* 65 (1977): с. 91–118; введение Эгидия Баниониса в *Литовские Метрики (1427–1506 гг.)*. Книга № 5. *Примечания книга 5*, с. 5–10; Петкевич, «Новое издание Литовской метрики», с. 133–135; на дипломатические книги Литовского реестра, см. особенно Кеннеди Гримстед, в сотрудничестве Сулковской-Курасёвой, «*Литовская метрика*» в *Москве и Варшаве*, с. 61–70.

¹⁰⁰ РГАДА, ф. 389, № 7 (латинскую транскрипцию XVIII века см. в AGAD, Литовская метрика, № 193); список его содержания опубликован в *Описание документов и бумаг, хранящиеся в Московском архиве Министерства Юстиции. Книга 21: Книги Литовской Метрики* (Москва, 1915), с. 85–146. Опись Литовского реестра Станислава Пташицкого, составленная в Петербурге в 1887 году и переизданная Кеннеди Гримстед, вводит в заблуждение, поскольку повторяет заголовок с первой страницы, согласно которой том охватывает только 1506–1513 годы. Возможно, из-за своего огромного объема, он остался неопубликованным до сих пор, в отличие от других томов того же периода. Его история и содержание, безуслов-

1527 г. внесены в эту книгу, включая русинский перевод ханского документа 1520 г., который также сохранился и в хорезмийско-тюркском оригинале. Также книга № 524, где скопирован документ 1541 года, полностью заполнена зарубежной корреспонденцией. Любопытно, что ни одна из двух вышеупомянутых книг не была классифицирована как *Посольская книга (Legation Book)*, тогда как тома, привезенные в Петербург в 1795 году, были разделены между российским Министерством юстиции и иностранных дел, и в результате они остались в основном корпусе реестра¹⁰¹.

Из числа *Посольских книг*, тогда переданных Министерству иностранных дел и включенных в основной корпус в 1954 году, книги № 591 и № 595 содержат зарубежную корреспонденцию 1545–1572 г. и 1506–1507 г., в том числе несколько документов о мире, опубликованных в настоящем томе¹⁰². Остальные документы, содержащиеся в Литовском реестре и опубликованные в настоящем томе, были разбросаны по книгам, посвященным также внутренним вопросам.

Несмотря на колоссальную работу, проведенную в течение последних двух десятилетий, особенно литовскими и белорусскими учеными, по последовательной публикации очередных книг Литовского реестра, еще многое предстоит исследовать в отношении их внутреннего содержания и взаимосвязи между отдельными томами. К сожалению, проведение любого научного анализа чрезвычайно осложняется вследствие того, что большинство из дошедших до нас экземпляров датируются не ранее, чем XVI веком, и их содержание может отличаться от текста утраченных оригиналов. Примечательно, что три документа, опубликованные в настоящем томе и датированные 1506–1507 годами, зафиксированы трижды в трех разных книгах Литовского реестра: книга № 8, из корпуса документов, классифицированного как *Книги надписей*, охватывающая 1506–1514 годы (хотя содержит и несколько более старых документов); книга № 595 из корпуса *Посольские книги*, охватывающая 1506–1507 годы; и, наконец, книга № 7, также одна из *Посольских книг*, но охватывающая более длительный период между 1506 и 1530-ми годами. Текстовые различия между тремя версиями в основном незначительны, но складывается впечатление, что экземпляр Б, размещенный в книге № 8, немного лучше, чем два дру-

но, заслуживают дальнейшего изучения; возможно, неслучайно его хронологические рамки совпадают с так называемым «*Актом Томициана*» (*Acta Tomiciana*) (о последней коллекции см. ниже).

¹⁰¹ С другой стороны, не все книги, переданные Министерству иностранных дел, были *Legation Books (Посольские книги)*.

¹⁰² Обе книги были уже опубликованы в XIX веке Михаилом Оболенским, директором Главного архива МИД, опубликовавшим также *ярлык Тохтамышша от 1393 г.*; см. *Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государство короля Сигизмунда-Августа (с 1545 по 1572 год)*. Под редакцией М. Оболенского и И. Даниловича (Москва, 1843) и *Сборник князя Оболенского* (Москва, 1838).

гих. Можно предварительно предположить, что тексты трех документов первоначально были записаны в нынешней *Книге надписей* среди других записей преимущественно бытового характера. Потом их скопировали в отдельную *Посольскую книгу*, содержащую текущую переписку с татарами и, по-видимому, составленную в 1507 году или вскоре после этого. Наконец, в 1530-х годах была составлена новая *Посольская книга*, в которой освещены отношения с татарами со времен воцарения Сигизмунда I. В нее включены три документа на основании более ранних копий.

Подводя итоги, можно сказать, что значение обширного корпуса документов, зарегистрированных в Короне (*Crown*) и особенно в книгах *Литовского реестра* (*Lithuanian Register*), сложно переоценить с точки зрения изучения переписки Вильнюса и Кракова с Крымом. Эти копии позволяют нам реконструировать форму и содержание оригиналов документов, особенно наиболее ранних из них, большинство из которых в настоящее время утрачены. С юридической и практической точки зрения в Вильнюсе и Кракове эти копии считались равными оригиналам, поскольку в них была зафиксирована формулировка королевских документов, оригиналы которых были отправлены в Крым. Кроме того, благодаря им стали понятными ханские документы, написанные арабской графикой, становившиеся доступными их получателям только после того, как были переведены и записаны в канцелярских книгах на русинском языке, латыни или польском. Тем не менее, следует помнить, что эти копии были иногда записаны в сокращенной или весьма небрежной форме. В таком случае они уступают не только оригиналам, но даже другим копиям, носившим статус официального документа¹⁰³.

Другие экземпляры, сохранившиеся в различных коллекциях

В 1535 году после смерти Петра Томицкого (Piotr Tomicki), польского вице-канцлера, его бывший секретарь Станислав Горский начал собирать все документы, относящиеся ко времени восшествия на престол Сигизмунда I. Первоначально коллекция состояла из двадцати девяти папок с документами в оригиналах или копиях, но позже несколько раз дополнялась и переделывалась. К концу XVI века объемная коллекция, позже названная «*Акта Томициана*», уже существовала в нескольких версиях и экземплярах. Являясь неоценимым образцом ведения канцелярии, она приобрела характер полуофициального руководства для составления документов и попала в библиотеки польских и литовских государственных деятелей, которые заказывали ее покупку или копирование. Текст латинского документа Сигизмунда I 1513 года, опубликованного в настоящем томе, можно найти в двух рукописных собраниях «*Акта Томициана*», которые когда-то принадлежали Анджею Опалиньскому (*Andrzej*

¹⁰³ См. документ 59, № 1 и документ 37, *passim*.

Opalinski) (1540–1593), маршалку великому коронному, и Станиславу Карнковскому (1520–1603), примасу Польскому¹⁰⁴.

В 1852 году Тит Дзялыньский (*Tytus Działyński*), польский вельможа, инициировал и спонсировал публикацию очередных томов «*Акта Томициана*», сохранившихся в *Курницкой библиотеке (Körník)*, а также другие коллекции. К сожалению, редакторы самых ранних томов не сравнивали разные экземпляры с целью установления оригинального и наиболее достоверного текста опубликованных документов¹⁰⁵. Кроме того, они включали ряд документов, которые не принадлежали к первоначальному корпусу «*Акта Томициана*», не аннотируя их происхождение. Так, четыре татарских документа 1507–1520 годов, сохранившиеся в современных польских переводах, попали в печатную версию «*Акта Томициана*» несмотря на то, что они никогда не входили в первоначальный свод. Их общим источником происхождения является рукопись XVI века, хранящаяся в *Курницкой библиотеке* под нынешним номером 222. В нее входит отдельный блок, написанный одной и той же рукой на польском языке и насчитывающий 38 страниц, озаглавленных как «Договоры или соглашения, заключенные польскими королями с татарскими ханами Крымской Орды [букв. 'Перекопская Орда']» (*Pakta albo dokonczenia królów polskich z czarmi tatarskimi Ordy Prekopskiej stanowione*). В сборнике содержатся девять документов о мире, изданных крымскими ханами в период между 1462 и 1560 гг., а также письмо Мехмед Герая, которое не является документом о мире¹⁰⁶. Мы не знаем, кто заказал оформление сборника, были ли вошедшие тексты основаны на оригиналах, копиях или более ранних переводах и было ли это сделано официально, либо просто с целью коллекционирования. Четыре документа на польском языке, найденные в печатной версии «*Акта Томициана*», сохранились и в русинских вариантах, содержащихся в Литовском реестре¹⁰⁷.

¹⁰⁴ Об «*Акта Томициана*» и их различных коллекциях, одна из которых была уничтожена в Варшаве в сентябре 1939 года, см. Ричард Марциняк (*Ryszard Marciniak*), «Из исследований коллекции *Acta Tomiciana* – «*Акта Томициана*». История Сапежинского-Радзивилловского периода в эпоху Просвещения», в: *Мемуарах Курницкой библиотеки*, вып. 16 (1980): с. 5–16; *то же самое*, «*Акта Томициана*» в культуре политической Польши эпохи Возрождения (Варшава-Познань, 1983); среди документов 1513, см. документ 11.

¹⁰⁵ См. Елена Хлопоцкая (*Helena Chłopocka*), «Научное редактирование Титуса Дзялыньского», в труде: *Дневник Курницкой библиотеки*, в: № 12 (1976): с. 65–91.

¹⁰⁶ Об этой рукописи см. *Каталог статей старопольских библиотек Корницкой XVI–XVIII вв.*, том 2. Под редакцией Р. Марчиняка, М. Мушинского, Я. Везиоловского (Вроцлав и др., 1985), с. 90–92. О письме Мехмеда Герая от 1516 г. см. № 153 в части 1.

¹⁰⁷ Это документы 8, 12, 15 и 19; в настоящем томе они опубликованы на основе их русинских, более надежных вариантов, хотя варианты, встречающиеся в их польских версиях, также аннотированы.

Иногда русинская и польская версии существенно различаются¹⁰⁸, но они, по-видимому, происходят от одного и того же, ныне утраченного, оригинала или от более полных ранних копий.

Остальные пять документов, найденные в рукописи, в настоящее время сохранились только в польской версии, хотя эти версии, по-видимому, являются переводами с русинского¹⁰⁹. Наиболее ценным среди них является сохранившийся экземпляр старейшего крымского документа о мире, выданного Хаджи Гераем.

Еще одна ценная коллекция крымской переписки, сохранившаяся на сегодня в библиотеке Оссолинеума (Ossolineum) во Вроцлаве, была завершена в 1642 году Самюэлем Отвиновским, королевским переводчиком, упоминавшимся ранее. Рукопись, заказанная Королевской канцелярией, состоявшая из польских переводов многочисленных османских и крымских документов, хранится в королевских архивах и до сих пор считается актуальной для использования в политической жизни, диспутах, особенно в отношении оценивания количества подарков, надлежащих к отправке хану. Сохранившийся оригинал рукописи снабжен посвящением Отвиновского Петру Гембицкому, коронному канцлеру того периода¹¹⁰. Семь документов о мире, опубликованных в настоящем томе, также зафиксированы в польских переводах данной рукописи¹¹¹.

Последней крупной коллекцией, в которой были обнаружены копии переписки с Крымом, являются так называемые *папки Нарушевича*, большая часть которых в настоящее время хранится в Библиотеке Чарторыйских в Кракове. В 1781 году последний польский король Станислав Август (Станислав Понятовский) поручил своему доверенному приближенному Адаму Нарушевичу¹¹² собрать материалы, которые должны были послужить основой для составления объемного труда – «*Истории польского народа*». В результате кропотливой работы целой группы помощников, проведенной в многочисленных архивах и библиотеках как внутри страны, так и за ее пределами под руководством Нарушевича при финансовой поддержке короля в течение следующего десяти-

¹⁰⁸ Это особенно верно для двух документов 1513–1514 годов; ср. документ 12, № 1 и документ 15, № 2.

¹⁰⁹ Это документы 1, 4, 28, 31 и 33.

¹¹⁰ О рукописи и обстоятельствах ее исполнения ср. № 440 в части 1.

¹¹¹ Это документы 16, 20, 37, 50, 52, 53 и 54. В рукописи Отвиновский не записал все свои переводы восточных документов. Например, его переводы крымских документов 1624 и 1635 годов, сохранившиеся в отдельных экземплярах в Королевских архивах, не вошли в рукопись библиотеки Оссолинеума (Ossolineum).

¹¹² О контроле (наблюдении) Нарушевича за транскрипцией латинской графики Литовского реестра, см. выше.

тилетия были выполнены копии более чем 38 000 документов и размещены в более чем 200 папках¹¹³.

Поскольку оригиналы документов или их современные копии сохранились, то более поздние копии конца XVIII века из собрания Нарушевича менее важны. Однако, некоторые из последних были сделаны на основе более старых рукописей, в настоящее время уже отсутствующих. Например, три документа с 1637 года, опубликованные в данном томе, в настоящее время можно найти только в папках Нарушевича. Они снабжены соответствующими примечаниями *Ex ms. Bibl. Zalusciae № 425*, которые указывают, что эти копии были выполнены с более старой рукописи из библиотеки Залуских (Zaluski), уничтоженной во время Второй мировой войны (см. ниже)¹¹⁴. Некоторые другие копии также заслуживают нашего внимания. Например, семь крымских документов (ок. 1462, ок. 1473, 1513, октябрь 1514, 1539, 1542 и 1560 гг.) сохранились в польских переводах всего в двух сборниках: рукопись XVI века *Курницкой библиотеки* (№ 222), описанная выше, и папки Нарушевича. Два из этих документов (1513 и октября 1514 г.) также сохранились в более достоверных русинских версиях, поэтому их польские переводы представляют меньшую ценность, но остальные пять документов, включая самый старший, *ярлыки* XV века, памятники Хаджи и Менгли Гераю, уникальным образом сохранились в вышеупомянутых двух сборниках. К сожалению, копии, записанные в папках Нарушевича, не снабжаются никакими примечаниями, указывавшими бы на их происхождение. На самом деле весьма вероятно, что они взяты из собрания Курника (Курницкой библиотеки) и поэтому не представляют собой оригинальной научной ценности: из десяти крымских документов, зафиксированных в рукописях Курника (девять документов о мире и одно «обычное» письмо Мехмеда I Герая от 1516 г.), восемь можно также найти в папках Нарушевича. Некоторые экземпляры двух коллекций содержат одинаковые ошибки, особенно в отношении их данных. Более того, некоторые фрагменты,

¹¹³ О методах сбора материалов и командных поисках коллекций см. Станислава Гржибовского (Grzybowski), *Портфолио Нарушевича «Acta regum et populi Poloni» «Деяния королей и народа Польши»*. (Вроцлав, 1960); см. также критическую рецензию на эту книгу Ежи Михальского в *Источниковедение* 9 (1964), с. 180–183. После третьего раздела Польши и Литвы заботу о папках принял Тадеуш Чацкий, видный польский историк, а после его смерти они были приобретены семьей Чарторыйских. Во время польского восстания 1830–1831 гг. коллекция была перевезена в Париж, а в 1876 году обрела свое нынешнее местонахождение в недавно основанной Библиотеке Чарторыйских в Кракове. Ряд томов, конфискованных российскими властями в 1831 году, были вывезены в Петербург и возвращены Польше в 1930 году. Девять из этих томов пережили Вторую мировую войну и сегодня хранятся в Государственном архиве в Варшаве (AGAD).

¹¹⁴ О наиболее типичных заметках, касающихся происхождения текстов, вошедших в папки Нарушевича (например: *ex orig. Arch. Regni* для оригиналов от Коронных Архивов), см. Гжибовский, *Teki Naruszewicza*, с. 27–32.

написанные правильно в рукописи *Курницкой библиотеки*, выполнены с ошибками или не включены в папки Нарушевича, так как их составителям в XVIII веке, по-видимому, уже не были знакомы такие термины, как *koń potni* («лошадь вспотела»), *kupcy ordobazarcy* («купцы из ханского военного лагеря»), *Frazy* («Франки»), или *drzwi* (букв. «дверь», здесь конкретно имеют в виду ханскую «Порту»). И сходство, и упомянутые выше различия позволяют предположить, что рукопись в *Курницкой библиотеке* послужила основой ряда экземпляров, внесенных в папки Нарушевича.

Тем не менее мы не можем полностью отрицать тот факт, что по крайней мере некоторые из этих копий создавались на основе других источников. Стоит отметить, что *ярлык* Менгли Герая правильно датирован в папках Нарушевича (878 год хиджры), тогда как в рукописи в *Курницкой библиотеке* ошибочно указана дата 978 г. х. Кроме того, по имеющемуся свидетельству, *ярлык* Хаджи Герая – в оригинале или копию – видели в Библиотеке Залуских (*Zaluski*) в Варшаве в 1772 году¹¹⁵. Так как составители папок Нарушевича имели доступ к папкам Библиотеки Залуских, трудно объяснить, почему они не воспользовались коллекцией, имевшейся у них под рукой, а вместо этого использовали доступную для них на тот момент копию *Курницкой библиотеки*.

Библиотека Залуских, основанная двумя братьями-епископами Юзефом Анджеем Залуским и Анджеем Станиславом Залуским, была открыта в 1747 году как первая публичная библиотека в Польше. Вывезенная в Петербург в 1795 году, она стала ядром Императорской Публичной библиотеки (ныне Российская национальная библиотека), основанной в том же году Екатериной II. Согласно положениям Рижского договора (1921 г.), она вернулась в Варшаву, отправленная частями в 1923–1934 годах, и была включена в состав Польской национальной библиотеки. К сожалению, после Варшавского восстания 1944 г. Национальная библиотека была сожжена нацистами, и большая часть ее коллекции была уничтожена. Лишь небольшая часть рукописей, ранее принадлежавших Библиотеке Залуских, чудом уцелела. По счастливой случайности среди них оказался обширный дневник Лаврина Пясечиньского, в котором рассказывается о трех его посольствах к татарам в 1601–1603 годах. Рукопись также содержит ряд документов в польских копиях, в том числе два документа Гази Герая II 1599 и 1601 годов, и документ Сигизмунда III 1601 года¹¹⁶.

¹¹⁵ См. № 34 в части 1.

¹¹⁶ Варшава, *Библиотека Народова (Национальная библиотека)*, ms. III. 3086 «Книга дипломатических миссий Лаврина Пясечиньского»; об этой рукописи см. № 345 в части 1, и Национальная библиотека. *Каталог рукописей*, серия 2, том 2: *Знак. 3006–3300 Рукописи из Библиотеки Залуских и другие польские коллекции, возвращенные из Ленинграда в 1923–1934 гг.* Под редакцией В. Kurse и К. Muszynska (Варшава, 1980), с. 123–129.

Отдельные *документы о мире*, которыми обменивались ханы и цари, сохранились также в копиях, разбросанных по различным рукописям, хранящимся в нескольких польских библиотеках. Их местонахождение можно узнать в библиографии и описаниях соответствующих документов.

Помимо больших коллекций рукописей, сохранившихся в странах, когда-то входивших в состав Речи Посполитой, а именно Польше, Литве (Вильнюс), Беларуси (Минск) и Украине (Львов и Киев), копии мирных документов, которыми обменивались Варшава и Бахчисарай, могут находиться, возможно, в Стамбуле, Москве и других городах, древних столицах государств раннего Нового времени, правители которых внимательно следили за международной ситуацией, развивающейся в непосредственной близости от их собственной границы. Пока таких копий обнаружено не было, но они могут быть выявлены в ходе будущих комплексных исследований.

Например, известно, что существовал регулярный обмен информацией между Стамбулом и Бахчисараем. В 1623 году султан Мурад IV отправил Мехмед Гераю III копию своего *ахднаме*, адресованного Польше-Литве, и потребовал, чтобы хан также уважал его положения¹¹⁷. Поэтому не исключено, что и копии крымских документов, которыми обменивались с Варшавой, были отправлены из Бахчисарая в Стамбул с целью держать Порту в курсе политических событий. Точно так же, во время крымско-российских переговоров, проходивших в Бахчисарае в 1680–1681 годах, Мурад Герай регулярно сообщал Порте об их успехах. Правда, ни один из двух случаев, описанных выше, нельзя рассматривать как достаточное доказательство того, что копии крымско-польских документов о мире были отправлены в Стамбул. Учитывая неравные отношения между Стамбулом и Бахчисараем, от хана ожидали уважения обязательств, взятых на себя перед султаном, но не наоборот, поэтому султану не нужно было подробно знать, что обещал хан польскому королю. Более того, порой Порты открыто отговаривала польский двор от прямых переговоров с ханом, намекая на квазисуверенный статус последнего¹¹⁸. Таким образом, отправка в Стамбул копий, написанных высокопарным слогом *ярлыков*, в которых ханы часто облакались в помпезные титулы, которые Порты считала предназначенными для османского султана, не был бы разумным шагом со стороны крымской канцелярии. Вышеупомянутые крымско-российские переговоры в Бахчисарае в 1680–1681 гг. были нетипичными, поскольку Мурад Герай был официально уполномочен заключить мир от имени Порты и соглашение, заключенное в январе 1681 г. между ханом и русским посланником, требовало еще подтверждения со стороны Османской империи, великого визиря и, наконец, султана.

¹¹⁷ См. Ян Рыпка (Jan Rycka), «Переписка Блистательной Порты с крымскими ханами во II томе “Мюншеата” Феридуна», с. 262 и 269.

¹¹⁸ См. № 218 в части 1.

Следовательно, хоть и вполне вероятно, что сообщения о крымско-польских посольствах и достигнутых договоренностях Стамбула необязательно означают, что тексты этих соглашений *были на самом деле* отправлены и в деталях отражены в османских архивах.

Еще одной столицей, где крымские отношения с Польшей-Литвой наблюдались с живым интересом, была Москва. Конечно, маловероятно, что копии документов, которыми обменивались короли и ханы достигали Москвы законными путями. Ни Варшава, ни Бахчисарай не были заинтересованы в посвящении царя в содержание своих соглашений, поскольку эти соглашения обычно были направлены против последнего. По аналогии, если ханы заключали соглашения с царями, они, как правило, были направлены против Польши-Литвы. В условиях традиционного недоверия в треугольнике Варшава – Бахчисарай – Москва в 1670 году произошло необычное событие. Царь не только заключил мир с ханом, в котором участвовал также и польский король, но русская канцелярия еще и поделилась с польской стороной содержанием документа, провела переговоры в Москве с татарскими посланниками, отправив его копию и в Варшаву¹¹⁹. Уникальность этого события связана не только с краткосрочным сближением Варшавы и Москвы, но и с тем необычным фактом, что это сближение отсрочило проведение совместной военной кампании против Крыма, которая свела бы на нет результаты любых трехсторонних переговоров, и о них не могло бы быть и речи.

Такие трехсторонние переговоры и добровольный обмен информацией были тогда крайне редки. Обычно сближение двух дворов приводило к отдалению третьего. Тем не менее, Москва все еще могла получать копии документов о мире, которыми обменивались между собой Бахчисарай и Варшава, через шпионов или «добрые услуги» членов соответствующих дворов, имена которых будут внесены в платежную ведомость Московии. Однако таких копий в российских архивах пока обнаружено не было.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Dariusz Kolodziejczyk*. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. The Ottoman Empire and its Heritage. BRILL, LEIDEN/BOSTON, 2011. Режим доступа: https://shron1.chtyvo.org.ua/Kolodzeichyk_Dariiush/The_Crimean_Khanate_and_Poland-Lithuania_international_diplomacy_on_the_European_periphery_15th_en.pdf (дата обращения: 13.11.2024)

¹¹⁹ См. № 515 в части 1.

Сведения об авторе: Дариуш Колодзейчик – профессор, директор Института истории Варшавского университета; профессор Института истории Польской академии наук; darkol@uw.edu.pl

Сведения о переводчиках:

Сейтхалилова Лейля Сейтхалиловна – лаборант-исследователь Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); lilya_crimea@mail.ru

Алиева Арзы Юсуфовна – внештатный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); arzy.aliyeva.1985@mail.ru

**The Crimean Khanate and Poland-Lithuania.
International Diplomacy on the European Periphery
(15th–18th Century).
A Study of Peace Treaties Followed by Annotated
Documents. Ottoman Empire and its Heritage**

Dariusz Kołodziejczyk

Abstract. This work is a translation from English of the first chapter “The language and preservation of documents” from the second part “A Study in the Crimean and Polish-Lithuanian diplomatics and diplomacy” of the scientific work “The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. The Ottoman Empire and its Heritage” (pp. 223–265). The author of the work is a famous historian, director of the Institute of History of the University of Warsaw, professor of the Institute of History of the Polish Academy of Sciences Dariusz Kołodziejczyk.

In his work Dariusz Kołodziejczyk examines issues related to the language and preservation of documents concerning the history of the Crimean Khanate and its relations with Poland-Lithuania. He analyzes various sources, such as diplomatic treaties, letters, chronicles, travel notes, maps and other original documents published in different collections: official translations kept in the Royal Archives, official copies entered in the Royal and Lithuanian Registers, and copies kept in various collections and written in the languages used by the Crimean chancellery, the Lithuanian and Polish chancelleries – Ottoman Turkic, Crimean Tatar, Polish, German, Latin, Russian, etc. Discussing the problems associated with the translation, transliteration, interpretation and authenticity of these documents, as well as their storage, publication and accessibility to researchers, Dariusz Kołodziejczyk also emphasizes that language and the preservation of documents play an important role in understanding the history of the Crimean Khanate and its international diplomacy on the European periphery.

Keywords: Crimean Tatar Khanate, Poland-Lithuania, international diplomacy, diplomatic treaties, linguistic diversity, translation and transliteration, source study, archives and libraries.

For citation: Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. The Ottoman Empire and its Heritage. Trans. from English Seitkhalilova L., Alieva A. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie = Crimean Historical Review*. 2024, vol. 11, no. 2, pp. 168–213. DOI: 10.22378/kio.2024.2.168-213

REFERENCES

1. Dariusz Kołodziejczyk. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. The Ottoman Empire and its Heritage. BRILL, LEIDEN/BOSTON, 2011. URL: https://shron1.chtyvo.org.ua/Kolodzeichyk_Dariiush/The_Crimean_Khanate_and_Poland-Lithuania_international_diplomacy_on_the_European_periphery_15th_en.pdf (access date: 13.11.2024)

About the author: Dariusz Kołodziejczyk – Professor, Director of the Institute of History at the University of Warsaw; Professor of the Institute of History of the Polish Academy of Sciences; darkol@uw.edu.pl

About the translators:

Leilya S. Seitkhalilova – laboratory assistant researcher of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); lilya_crimea@mail.ru

Arzy Yu. Alieva – freelance employee of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); arzy.aliyeva.1985@mail.ru